ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ № 7

МОСКВА

Издательство „ПРАВДА“

1948

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

XXV год издания

Адрес редакции: Москва, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24 Тел. Д 3-06-06

№ 7 15 АПРЕЛЯ 1948

Содержание

Речь товарища И. В. Сталина

на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года

Я хотел бы сказать несколько слов о значении подписанного вчера Договора дружбы и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией.

Этот Договор знаменует собой поворот в отношениях между нашими странами. Известно, что в течение 150 лет в отношениях между Россией и Финляндией существовало взаимное недоверие. Финны относились с недоверием к русским, а русские — к финнам. С советской стороны в прошлом была попытка разбить недоверие, существовавшее между русскими и финнами. Это было тогда, когда Ленин в 1917 году объявил независимость Финляндии. Это был выдающийся акт с точки зрения истории. Но, к сожалению, этим не было сломлено недоверие,— недоверие осталось недоверием. В результате между нами было две войны.

Я хотел бы, чтобы от длительного периода взаимного недоверия, в течение которого мы дважды воевали друг с другом, мы перешли к новому периоду в наших отношениях,— к периоду взаимного доверия. Нужно, чтобы заключённый нами Договор сломал это недоверие и

создал новую базу для отношений между нашими народами, и чтобы он означал большой поворот в отношениях между двумя странами в сторону доверия и дружбы.

Нужно, чтобы это было хорошо понято не только теми, кто присутствует в этом зале, но и теми, кто находится вне этого зала, как в Финляндии, так и в Советском Союзе.

Нельзя думать, что недоверие между народами можно ликвидировать сразу. Быстро этого не сделаешь. В течение длительного времени остаются пережитки недоверия, хвосты, для ликвидации которых нужно много работать и бороться, чтобы создать традиции взаимной дружбы между СССР и Финляндией, сделав эти традиции прочными.

Договоры бывают равноправные и неравноправные. Советско-финляндский договор есть равноправный Договор, ибо он заключён на основе полного равноправия сторон.

Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация,— всё равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её. В этом смысле все нации — и малые, и большие,— находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации.

Поэтому советские люди считают, что Финляндия, хотя она и является малой страной, выступает в этом договоре как равноправная сторона по отношению к Советскому Союзу.

Не много найдётся политических деятелей великих держав, которые бы рассматривали малые нации, как равноправные с большими нациями. Большинство их смотрит на малые нации сверху, свысока. Они не прочь пойти иногда на одностороннюю гарантию для малых наций. Но эти деятели, вообще говоря, не идут на заключение равноправных договоров с малыми нациями, так как не считают малые нации своими партнёрами.

Я поднимаю тост за Советско-Финляндский Договор, за тот поворот к лучшему в отношениях между нашими странами, который знаменует собой этот Договор.

О дисциплине и организованности в труде

Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина успешно борется за выполнение послевоенной пятилетки в 4 года. Советская страна являет всему миру пример организованного и ускоренного развития всех областей хозяйства и культуры в послевоенный период. Как и в годы предвоенных пятилеток, пафос созидания охватил массы трудящихся, восстанавливающих и двигающих вперёд развитие народного хозяйства. Их вдохновляет великая цель — построение полного коммунистического общества.

Могучим оружием в руках трудящихся нашей страны в борьбе за преодоление трудностей, за ускорение темпов развития народного хозяйства является всемерное укрепление дисциплины и организованности.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции, победы социализма в СССР коренным образом изменилась сама природа дисциплины труда. Известно, что характер дисциплины определяется целиком характером господствующих производственных отношений. При капитализме дисциплина на производстве есть принудительная дисциплина, насаждаемая под страхом голодной смерти и безработицы. Смысл этой дисциплины — обеспечение условий капиталистической эксплоатации. Она поддерживается целой армией надсмотрщиков — наёмных слуг капитала, — всей организацией крупного капиталистического предприятия. Эта дисциплина служит интересам капитала, она есть орудие капитала для подавления и эксплоатации трудящихся.

В советском обществе создана новая, социалистическая дисциплина труда. В условиях социализма дисциплина на производстве есть сознательная дисциплина освобождённых от эксплоатации работников, отношения которых есть отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Укрепление этой дисциплины — в интересах всего общества и каждого трудящегося в отдельности, ибо развитие общественного производства, борьба за коммунизм выражают коренные жизненные интересы трудящихся, обеспечивают непрерывный подъём их материального благосостояния и культуры.

Высокая дисциплинированность работников требуется самыми условиями крупного планомерно организованного социалистического производства, основанного на новейшей технике. Ленин писал, что «всякая крупная машинная индустрия — т.-е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей». И далее он указывал: «...Беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо» (Соч. Т. XXII, стр. 462).

При капитализме организация и дисциплина внутри предприятия существуют в условиях анархии производства в рамках всего хозяйства. В Советском Союзе в результате господства общественной собствен-

ности на средства производства вся экономика представляет собой единый организм, отдельные части которого действуют согласованно, в точном соответствии с общим государственным народнохозяйственным планом. Ленин, характеризуя роль организованности в социалистическом хозяйстве, указывал: «Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порождён крупной машинной индустрией. И, если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи» (Соч. Т. XXII, стр. 420).

Социалистическое хозяйство, основанное на общественной собственности, не может развиваться самотёком, оно требует планового руководства из единого центра, подчинения единой воле, величайшей организованности и дисциплины. В этих условиях дисциплина и организованность каждого работника, где бы он ни работал, приобретают общественное значение. Понятно, почему в нашей стране вопросы дисциплины всегда находятся в центре внимания большевистской партии и советского государства. Государство ведёт учёт и контроль за мерой труда и мерой потребления. Общество, государство требуют от каждого трудящегося добросовестной работы, подчинения распоряжениям руководителей, соблюдения установленного порядка.

Большевистская партия неустанно воспитывает массы в духе социалистической трудовой дисциплины. Задачу воспитания новой дисциплины вожди партии Ленин и Сталин поставили как важнейшую задачу уже в первые годы советской власти. Ленин указывал, что эта задача имеет всемирноисторическое значение. Новая дисциплина, учат Ленин и Сталин, с неба не сваливается. От советского государства и большевистской партии требовались огромные усилия по воспитанию и насаждению новой дисциплины труда, новых отношений между людьми. Эта задача, предупреждал Ленин, — «задача гигантской трудности, но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим её практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества» (Соч. Т. XXIII, стр. 44). Воспитание новой, социалистической дисциплины труда Ленин рассматривал как одну из форм классовой борьбы против традиций и сил старого общества.

Враги народа —троцкисты, бухаринцы—вели злобную борьбу против большевистской дисциплины и организованности. Они пытались взорвать железную дисциплину в партии. Они выступали против трудовой дисциплины на предприятиях, против единоначалия. Большевистская партия разоблачила козни этих врагов, разгромила их, ещё более укрепила единство и дисциплину в своих рядах. Вместе с тем большевистская партия, выполняя указания Ленина и Сталина, непрестанно ковала новую, социалистическую дисциплину трудящихся, воспитывала их в социалистическом духе, поднимала их социалистическую сознательность и организованность.

Эта деятельность партии принесла свои великие, благотворные результаты. В процессе социалистического строительства в нашей стране перевоспитывались сами люди. Изменение духовного облика советских людей выразилось прежде всего в утверждении нового отношения к труду как общенародному делу, как к делу славы, доблести и геройства. Большевистская партия, воспитывая в народе высокое сознание общенародных интересов, сплачивает трудящихся в единый организованный коллектив, осуществляющий всемирноисторические задачи социалистического строительства. Дух организованности и дисциплины ярко про-

является во всенародном социалистическом соревновании, в массовом движении за выполнение и перевыполнение производственных планов. Советские рабочие, крестьяне, интеллигенция показывают примеры высокой социалистической организованности и дисциплинированности. Высокие образцы новой дисциплины труда, освобождённого от эксплоатации, являют собой наши передовики производства, стахановцы, Герои Социалистического Труда. Социализм породил новые отношения между людьми, новую организацию производства, новую дисциплину труда.

Когда-то немцы похвалялись своей дисциплиной. Но это была палочная, бездушная дисциплина, плод прусского юнкерски-буржуазного полицейского государства. Ныне самые организованные и дисциплинированные люди в мире — советские люди. Их организованность и дисциплинированность выросли в обстановке сознательного, социалистического труда, совместной, дружной борьбы против всех остатков старого мира, за построение нового, коммунистического общества. Могучая сила социалистической организованности была ярко продемонстрирована перед всем миром в годы Великой Отечественной войны. На полях сражений и в самоотверженном труде в тылу испытывалась сознательная, новая дисциплина, и эта дисциплина одержала победу над бездушной, палочной дисциплиной немцев. Ныне эта дисциплина и организованность проявляются в успешной борьбе за восстановление и развитие хозяйства, за дальнейший расцвет социалистической Родины.

* * *

Новая, социалистическая дисциплина, созданная в процессе социалистического строительства, — это наше великое завоевание. Но было бы опасно закрывать глаза на то, что в сознании трудящихся ещё существуют пережитки капитализма, которые сказываются в отдельных случаях недисциплинированности, неорганизованности, разгильдяйства, в отлынивании от работы. Такого рода случаев ещё не мало на промышленных предприятиях и в колхозах, а руководители и общественность этих предприятий часто относятся к этому примиренчески, снисходительно. Колхозники Украины в письме товарищу Сталину недавно писали, что некоторая часть колхозников ещё до сих пор плохо работает в колхозах, недобросовестно относится к своим обязанностям, нарушает Устав сельскохозяйственной артели, не вырабатывает даже минимума трудодней, а правления этих колхозов смотрят сквозь пальцы на нарушителей трудовой дисциплины, лодырей, лжеколхозников, которые только и думают о том, как бы побольше урвать с колхоза да поживиться за счёт труда передовых, честных колхозников. «Надо прямо, со всей откровенностью признать, что мы часто проходим мимо таких фактов, не ведём ещё настоящей борьбы с отсталыми настроениями у части колхозников, с лодырями, нарушителями трудовой дисциплины. В результате получается так, что плохая работа некоторых колхозников губит хорошую работу передовиков и всего колхоза в целом.

Разве мы имеем право об этом умалчивать? Разве мы не можем потребовать и добиться хорошей работы от всех тех, кто может и должен хорошо работать, выполнять минимум трудодней и нормы выработки? Мы можем и должны это сделать...»

В этих словах украинских колхозников выражено мнение всех честных рабочих, колхозников, интеллигентов нашей страны. Понятно законное возмущение всех добросовестных тружеников, когда они видят, как лодыри, разгильдяи и бездельники тянут вниз наши хозяйственные достижения, портят работу передовиков, срывают выполнение плана, вносят

беспорядок и дезорганизацию в работу. Борьба против лодырей и разгильдяев, за укрепление трудовой дисциплины пользуется единодушной поддержкой всех трудящихся. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации должны непрестанно разъяснять трудящимся, особенно молодым рабочим и колхозникам, значение дисциплины, разъяснять правила поведения на производстве, советские законы о трудовой дисциплине.

Товарищ Сталин, говоря о необходимости укрепления трудовой дисциплины в своём докладе «О хозяйственном положении Советского Союза» в 1926 году, указывал: «Надо разъяснять рабочим, особенно тем из них, которые недавно поступили на фабрики и заводы, надо разъяснять, что, допуская прогулы и не двигая вперёд производительности труда, они действуют во вред общему делу, во вред всему рабочему классу, во вред нашей промышленности. Борьба с прогулами, борьба за поднятие производительности труда в интересах нашей промышленности, в интересах всего рабочего класса в целом, — такова задача».

XVIII Всесоюзная партийная конференция поставила задачу полностью ликвидировать прогулы. «Партийные организации,— говорится в решении конференции, — профсоюзы, работники промышленности и транспорта обязаны вести неустанную работу по укреплению трудовой дисциплины в промышленности и на транспорте, памятуя о том, что задача борьбы с текучестью рабочей силы и прогулами является не кратковременной кампанией, а требует повседневной работы в массах».

Советское общество требует от всех граждан трудиться по способностям. А это значит, что каждый трудящийся должен работать в полную меру своих сил и способностей, производительно использовать каждую минуту рабочего времени, не удовлетворяться лишь выполнением нормы, а стремиться перевыполнить её. Социалистическая дисциплина, по выражению Ленина, — это «дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе», это сознательная дисциплина творческого, освобождённого труда. При социализме сами массы в процессе практической борьбы ищут и открывают новые, наилучшие способы более производительной работы, более эффективные методы организации и способы укрепления дисциплинированности.

Опыт стахановцев в промышленности показывает, что условием их производственных достижений является полное использование рабочего дня в сочетании с применением целого ряда усовершенствований как в организации труда, так и в технике. Стахановцы, говорил товарищ Сталин,— это люди культурные и технически подкованные, люди, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами, люди, смело ломающие старые технические нормы и создающие новые, более высокие нормы. Эта же черта характеризует и стахановцев в сельском хозяйстве, Героев Социалистического Труда, добившихся в 1947 году высоких результатов в земледелии и животноводстве. Яркие образцы социалистического творческого труда и организованности показали колхозники колхоза «Красный Октябрь», Воронежской области, которые в 1947 году собрали урожай на площади в 1313 гектаров в среднем по 100 пудов с гектара. За высокие достижения правительство СССР присвоило 11 членам этого колхоза звание Героя Социалистического Труда.

Борьба за социалистическую дисциплину труда, за высокую организованность неотделима от развёртывания творческой инициативы, от социалистического соревнования трудящихся. Происходящий сейчас новый подъём социалистического соревнования — свидетельство роста созна-

тельности и дисциплинированности тружеников социалистического общества.

Само собой разумеется, что развёртывание воспитательной работы, подъём творческой инициативы и соревнования в труде не исключают, а предполагают применение в борьбе за укрепление трудовой дисциплины такого действенного средства, как критика и самокритика. Ибо чем более развёртывается творческая активность масс, тем нетерпимее становятся отдельные случаи недисциплинированности, тем большее осуждение и возмущение встречают они со стороны трудящихся.

Борьба за укрепление дисциплины предполагает также применение наряду с воспитательными мерами и мерами убеждения и мер принуждения — всей суммы организационных мер, предусмотренных правилами внутреннего распорядка предприятий, Уставом сельскохозяйственной артели и советским законодательством. Ленин указывал, что борьбу против неорганизованности и недисциплинированности «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов,— борьбу надо вести и принуждением» (Соч. Т. XXII, стр. 460).

Организованность и дисциплинированность каждого работника — необходимые условия укрепления организованности предприятия в целом и всего народного хозяйства. Партия требует неустанно крепить дисциплину и порядок на производстве. В решениях XVIII партийной конференции по вопросу об организационных задачах парторганизаций в области промышленности и транспорта основное внимание было уделено таким вопросам, как установление порядка на производстве, борьба со штурмовщиной и внедрение работы по графику, внедрение строжайшей технологической дисциплины, ликвидация прогулов, укрепление единоначалия и технического руководства на предприятиях. Вся сумма этих мероприятий преследовала цель укрепления организованности и порядка на предприятиях и повышения культуры труда. Осуществление этих мероприятий сыграло громадную роль в развитии нашего хозяйства.

* * *

В высокой дисциплинированности и организованности тружеников советского общества заключается одно из преимуществ социалистического строя. Это преимущество сказалось в полной мере как в период мирного социалистического строительства, так и в период войны. Сила организованности помогает советским людям и в послевоенное время преодолевать трудности, являющиеся последствиями тяжёлой войны, осуществлять дальнейшее развитие социалистического хозяйства. Но это значит, что для ещё более успешного продвижения вперёд советские люди должны выше поднимать свою дисциплину и организованность, без остатка искоренять всякие элементы разгильдяйства и беспорядка.

Большевистская партия, выпестованная Лениным и Сталиным, являет собой высокий пример организованности и дисциплинированности. В духе большевистской организованности наша партия неустанно воспитывает трудящихся, сплачивает их, объединяет социалистической дисциплиной. Руководя всем строительством нового общества, большевистская партия и советское государство вносят начала организованности и дисциплины во всю созидательную работу в стране. На каждом отдельном участке великого строительства партийные и советские организации являются той силой, которая мобилизует и сплачивает трудящихся и направляет их усилия к единой цели — к укреплению хозяйственной мощи страны, к построению полного коммунистического общества.

Сейчас в нашей стране растёт новый подъём трудовой активности трудящихся, идущий под знаком перевыполнения плана третьего, решающего года пятилетки. В промышленности и на транспорте ширится предмайское социалистическое соревнование. В сельском хозяйстве разрастается по призыву алтайских колхозников соревнование за получение высокого урожая в 1948 году. Колхозники Украинской ССР, Красноярского края, Саратовской области и других областей в письмах товарищу Сталину берут на себя обязательства закрепить успехи 1947 года и двинуться вперёд, к завоеванию новых достижений. Этот массовый трудовой подъём в стране — свидетельство огромных возможностей творческого труда советских людей, роста их социалистической сознательности, дисциплинированности и организованности. Непрестанное укрепление социалистической дисциплины и организованности — залог успешной борьбы за выполнение пятилетнего плана в 4 года, за ускорение темпов хозяйственного и культурного строительства.

Пути развития советской промышленной техники в послевоенный период

А. Зворыкин

Всемерное развитие советской индустриальной техники явилось одним из важнейших факторов победы социализма в СССР. Дальнейший подъём технического уровня социалистического народного хозяйства является необходимым условием построения коммунизма в нашей стране. В послевоенный период развития СССР роль и значение технического прогресса особенно возрастают. Поэтому в плане послевоенной сталинской пятилетки вопросы техники занимают одно из важнейших мест.

Партия Ленина — Сталина и советское государство ликвидировали вековую технико-экономическую отсталость нашей страны и явились организаторами величайшего в истории человечества научно-технического прогресса в СССР. Благодаря мудрой политике коммунистической партии, политике индустриализации и коллективизации, благодаря преимуществам советского общественного и государственного строя в СССР произошла подлинная революция в области техники. Наша Родина из отсталой, аграрной страны была преобразована в могущественную, индустриальную державу с самой передовой в мире техникой производства. В результате сталинских пятилеток была в основном завершена реконструкция советской промышленности и всех отраслей народного хозяйства на базе новейшей, самой передовой техники; наше социалистическое сельское хозяйство стало самым крупным и механизированным в мире.

Характеризуя итоги гигантской работы большевистской партии и советского народа по техническому перевооружению народного хозяйства, товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) указывал: «Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной...» («Вопросы ленинизма», стр. 575. 11-е изд.).

Социалистический строй, свободный от язв капитализма — от кризисов и безработицы, обнищания масс, — открывает безграничные просторы для расцвета производительных сил, науки и техники. В нашей стране производственные отношения полностью соответствуют характеру производительных сил, а, следовательно, и потребностям материального развития общества, потребностям быстрого технического прогресса. У нас общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства. Это значит, что в Советской стране ликвидированы те тормозы на пути развития техники, которые неизбежны в условиях капитализма. В СССР рост производства не только не сталкивается с узостью рынка, но, наоборот, быстро растущая покупательная способность масс толкает вперёд производство, тем самым всемерно стимулируя внедрение новой техники.

В СССР нет «коммерческой тайны», и всякие технические открытия, изобретения, усовершенствования являются достоянием общества, народа и используются для народного хозяйства в целом. В СССР техника слу-

жит не интересам барыша капиталистических монополий, как в буржуазных странах, а интересам народа. Капиталисты применяют то или иное техническое изобретение лишь тогда, когда оно даёт им дополнительный барыш. Капиталистические монополии стоят преградой на пути технического прогресса. Ростом эксплоатации трудящихся масс в капиталистических странах тормозится внедрение новой техники, ибо капиталисты предпочитают выколачивать прибыли путём снижения заработной платы до нищенского уровня. Применение же новой техники капиталисты используют против трудящихся, выбрасывая рабочих на улицу, снижая их заработную плату. Технический прогресс при капитализме служит фактором ухудшения материального положения масс.

Иное положение в СССР. Здесь технический прогресс является источником роста благосостояния народа. Техника в нашей стране находится на службе у народа, удовлетворяет его жизненные интересы, служит могучим средством в борьбе за укрепление мощи советского государства, за подъём благосостояния рабочих, крестьян и интеллигенции. В СССР сам народ — хозяин своей страны. Законом социалистического общества является неуклонный подъём материального и культурного уровня жизни трудящихся. Народные массы нашей страны кровно заинтересованы в росте технического вооружения труда, его механизации, облегчающей труд и делающей его более производительным. Чем выше в СССР уровень технической вооружённости труда, уровень его механизации, тем больше растёт общественное богатство, принадлежащее народу, тем выше оплата труда, следовательно, тем выше народное потребление.

Социалистическое отношение советских людей к труду выражается и в их стремлении ко всемерному усовершенствованию техники наших предприятий, к внедрению новой техники. Советский строй открывает неограниченные возможности для проявления народных талантов. Величайшим фактором технического прогресса в СССР является всё возрастающий размах массового изобретательства, массового технического новаторства. Об этом говорят повседневно многочисленные факты производственно-технических достижений стахановцев, передовиков промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства и других отраслей нашего народного хозяйства. Социалистическое государство, основываясь на этом, строит свои производственно-технические планы, равняясь на передовой опыт, на среднепрогрессивные нормы, и тем самым двигает вперёд производство, его технику.

Всемерное развитие технического прогресса в нашей стране является одним из решающих условий успешного осуществления основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать главные капиталистические страны по размерам промышленного производства на душу населения. Борьба за технический прогресс является одной из предпосылок создания материальной базы коммунистического общества, ликвидации противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, создания изобилия продуктов потребления. Быстрое развитие техники обеспечивает независимость, экономическое могущество и высокую обороноспособность нашей социалистической Родины.

Гигантская организаторская деятельность партии Ленина — Сталина, героический труд миллионов советских людей по социалистическому преобразованию страны на базе передовой, совершенной техники явились условием укрепления экономической и военной мощи нашей страны. Быстрое развитие советской техники в годы Отечественной войны явилось одним из условий, обеспечивших историческую победу нашей социалистической Родины над фашистской Германией и империалистической Японией. Советский Союз превзошёл врага и по количеству и по качеству военной техники. Следует подчеркнуть, что в этот период дело сводилось не только к реализации довоенных достижений в области техники, но продолжалось дальнейшее интенсивное её усовершенствование. Рабочий

класс, производственно-техническая интеллигенция неуклонно улучшали технику производства. Во время войны в СССР были выдвинуты новые технические идеи, которые получили широкое распространение в нашей промышленности. Значительная часть этих достижений военного времени составляет один из важнейших факторов дальнейшего ускоренного роста производства в послевоенную пятилетку.

В послевоенной сталинской пятилетке роль науки и техники неизмеримо вырастает. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на период 1946—1950 годов предлагает «обеспечить дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства СССР», рассматривая этот технический прогресс как условие мощного подъёма производства и повышения производительности труда. Особенно характерно для нынешнего пятилетнего плана решительное требование органической связи современной техники с новейшими достижениями науки. Именно в этой связи пятилетний план подчёркивает необходимость не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР.

В пятилетнем плане чётко определены задачи и направления в развитии советской техники. Это прежде всего широкая и всесторонняя механизация трудоёмких работ, дальнейшая электрификация промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Далее, это химизация, интенсификация, а также автоматизация производственных процессов.

* * *

Среди крупнейших мероприятий в области техники, намеченных пятилетним планом, механизация трудоёмких отраслей народного хозяйства стоит на первом месте. Истекшие два года пятилетнего плана показали решающее значение механизации. Речь идёт в первую очередь о механизации труда в таких отраслях нашей индустрии, как чёрная и цветная металлургия, угольная, торфяная и лесная промышленность. Огромное значение приобрели задачи механизации строительных работ. Дальнейшая механизация сельскохозяйственного труда — одно из главных условий послевоенного подъёма сельского хозяйства. Механизация трудоёмких процессов — одна из решающих задач железнодорожного и водного транспорта. Восстановление и дальнейшее развитие нашего народного хозяйства немыслимо без всесторонней механизации труда.

На примере механизации наглядно видно глубокое, принципиальное отличие нашей социалистической экономики и техники от экономики и техники в капиталистических странах. Характеризуя результаты применения машин в капиталистическом обществе, Маркс говорил, что машина одарена чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, но она вызывает голод и истощение трудящихся масс в условиях капитализма. Механизация в капиталистических странах неизбежно ведёт к безработице, т. е. направлена против рабочего класса. Это особенно наглядно видно на примере США. Высокая конъюнктура периода второй мировой войны усилила процессы механизации американской промышленности, но расширенный в результате этого производственный аппарат США сейчас становится всё в большей и большей степени избыточным. Это ведёт к росту безработицы и усиливает предпосылки наступления нового экономического кризиса. Американская пресса отражает панические настроения капиталистических предпринимателей, намечающих «рецепты» для уничтожения излишней техники. На страницах американского журнала «Форчун», в статье «Военный бум кончается», автор не находит ничего лучшего, как предложить топить излишки металлорежущих станков в море. Другой автор на страницах журнала «Стил» истерически вопит «о кошмаре избытка станочного парка».

Так производительные силы, созданные в недрах буржуазного общества, вновь и вновь приходят в непримиримое противоречие с капиталистическими производственными отношениями.

Иное социально-экономическое значение приобретает механизация трудоёмких процессов у нас. Проблема механизации в Советской республике со всей остротой была поставлена В. И. Лениным ещё в 1920 году и прежде всего для такой трудоёмкой отрасли, как топливная промышленность. Уже тогда, говоря о гидроторфе как о способе эффективной механизации, Ленин требовал всюду быстро вводить машины, переходить к применению машинной техники возможно шире.

Чем шире становился размах социалистического строительства и грандиознее были задачи, тем большее значение приобретала механизация. Глубокое революционное значение механизации для великого социалистического преобразования нашей Родины не раз подчёркивал товарищ Сталин. Ещё в годы первой пятилетки товарищ Сталин указывал: «...Нужно немедленно перейти на механизацию наиболее тяжёлых процессов труда, развёртывая это дело во-всю (лесная промышленность, строительное дело, угольная промышленность, погрузка — выгрузка, транспорт, чёрная металлургия и т. п.)... Механизация процессов труда является той новой для нас и решающей силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства» («Вопросы ленинизма», стр. 333).

Глубочайшая мудрость указаний товарища Сталина доказана жизнью. Достаточно оглянуться назад, на пройденный народным хозяйством СССР путь, вспомнить военные годы, чтобы представить себе, какие неимоверные дополнительные трудности пришлось бы преодолевать в нашей стране, если бы темп механизации за предшествующий период не был достаточно быстрым.

Но ещё большее значение эти указания товарища Сталина приобретают сейчас, в условиях борьбы за пятилетку в четыре года, в свете решения задач постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Капиталистическое хозяйство, потрясаемое кризисами, не может использовать производительные силы, созданные развитием науки и техники. Хроническая безработица, растущая сейчас в капиталистических странах, в первую очередь в США, — одно из самых уродливых проявлений загнивающего и умирающего капиталистического мира, одна из форм разрушения производительных сил человеческого общества. Капиталисты используют хроническую безработицу как способ экономического и политического давления на рабочий класс.

В нашей социалистической стране с быстро растущей экономикой потребность в рабочей силе неуклонно повышается. Для того, чтобы удовлетворить эту потребность, для того, чтобы решить историческую задачу — догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны,— необходимо неуклонно вооружать труд машинами и механизмами, повышать его производительность.

Огромная эффективность механизации для развития производительных сил может быть проиллюстрирована бесчисленным количеством примеров. Скреперист быстроходного скрепера на земляных работах перемещает 250—300 кубометров земли за смену, что больше чем в 100 раз превышает производительность рабочего, работающего вручную в аналогичных условиях. Экскаватор с ёмкостью ковша в 1 кубометр заменяет 300—350 рабочих.

Значение механизации повышается в связи с изменением всего облика нашего народного хозяйства, с переходом к новым мощным предприятиям, к гигантским агрегатам и машинам. Это можно проиллюстрировать на примере металлургических цехов. У нас осуществлён переход к доменным печам ёмкостью в 1300 кубометров. Только одна такая печь требует в день 2,5 тысячи тонн руды, 1,3 тысячи тонн кокса, 0,8 тысячи

тонн известняка, до 75 тонн стружки. Хорошо работающая печь даёт 1,5 тысячи тонн чугуна, 1 тысячу тонн шлака, что в целом составляет грузооборот в сутки в 7400 тонн. Даже с точки зрения чисто технической, работа на такой печи невозможна без механизированной подвозки и загрузки кокса, руды, известняка и стружки и без механизированной выдачи из печи и вывозки чугуна и шлака.

За период социалистического строительства все основные трудоёмкие процессы в цехах металлургических заводов были механизированы, но было бы ошибочно предполагать, что на достигнутом можно остановиться. Даже на наших самых мощных металлургических заводах, с новейшим техническим оборудованием, остаётся ещё широкое поле для дальнейшей механизации.

Особенно велики и ответственны задачи механизации труда в горной и в первую очередь в каменноугольной промышленности. За годы сталинских пятилеток облик наших шахт и рудников в корне изменился. На смену «шахтам-мышеловкам», оснащённым примитивным паровым подъёмом, вентиляторами устарелых конструкций, с господством ручного труда во всех процессах добычи, явились передовые, механизированные предприятия. Электрические подъёмные машины, мощные вентиляторы, компрессоры, механизированная зарубка угля, механизированное бурение шпуров, механизированная доставка, электровозная откатка — всё это характеризует тип советских горных предприятий. Но ещё и сейчас ряд решающих процессов на шахтах и рудниках не механизирован и ещё много людей работают вручную, в тяжёлых подземных условиях.

Работа по техническому оснащению горной и в первую очередь каменноугольной промышленности за годы Отечественной войны не остановилась. Конструкторы горного машиностроения создали ряд новых, более совершенных машин. За время войны на востоке была создана мощная врубовая машина «КМП-1». Сейчас в Донбассе появилась еще более совершенная врубовая машина «МВ-60» с мотором 60 квт. Производительность «МВ-60» в 3 раза больше производительности ныне действующих врубовых машин.

В трудных условиях военного времени был налажен также выпуск скребковых транспортёров (конструкция тов. Самойлюка и др.), которые уже вытеснили менее совершенные качающиеся конвейеры на всех шахтах Мосбасса, а в 1947 году широко распространились и в других бассейнах, в том числе и в Донбассе. Однако до сих пор продолжает оставаться нерешённой такая важная задача механизации на шахтах, как навалка угля на доставочные механизмы, погрузка угля и породы при проведении подготовительных выработок.

Ещё перед войной советские изобретатели Бахмутский и Сердюк создали первые угольные комбайны и успешно решили для мягких углей вопрос механизации всего основного комплекса работы в забое, в том числе и навалки. За время Отечественной войны и после войны угольное комбайностроение сделало большой шаг вперёд. На шахтах востока появился комбайн Макарова, специально приспособленный для разработки мощных пластов. На базе комбайна Бахмутского был создан новый комбайн — Абакумова, успешно прошедший испытания в Кизеловском бассейне и отвечающий требованиям разработки крепких углей.

На базе мощной врубовой машины «МВ-60» инженерами Гридиным и Пичугиным создан комбайн «ВОМ-2» для Подмосковного бассейна. Конструкторы Турич, Балинов и Седов разработали оригинальную машину угольный струг — разновидность горного комбайна.

Советская каменноугольная промышленность в 1948 году вплотную подошла к практическому разрешению труднейшего вопроса механизации подземных работ — механизации отбойки и навалки угля в забое, т. е. центральной задачи, поставленной перед угольщиками послевоенным пятилетним планом.

За годы сталинских пятилеток глубоко преобразилась в техническом отношении и торфяная промышленность. Несмотря на огромный размах её технического перевооружения, задачи механизации этой трудоёмкой отрасли, носящей до сих пор ещё сезонный характер, очень велики. Дело здесь сводится не только к механизации того или иного процесса (добыча, сушка, уборка торфа, проведение подготовительных и погрузочно-разгрузочных работ), а к комплексному решению всей суммы технических вопросов путём создания системы машин. Сейчас закончена разработка системы машин для наиболее эффективного, фрезерного способа добычи торфа. Широкое внедрение этих машин должно сыграть важную роль в механизации торфяной промышленности. Комплексная механизация фрезерной добычи торфа сокращает на 40% затраты труда по сравнению с ручной работой.

Исключительную по объёму работу предстоит осуществить по механизации трудоёмких процессов в строительной индустрии, в производстве строительных материалов. Пятилетний план дал твёрдые нормативы механизации строительных работ: земляных — до 60%, дробления щебня и приготовления раствора — до 90%, изготовления бетона — до 95%, кладки бетона — до 60%. Осуществление этих директив в первые годы новой пятилетки шло недостаточными темпами, что не могло не сказаться на размахе и сроках восстановительных и строительных работ. Факты, сообщаемые в нашей печати, показывают, что здесь проявляются антимеханизаторские тенденции, приводящие к тому, что наличные строительные механизмы на площадках используются подчас всего лишь на 40—60%. Здесь сказывается и привычка работать старыми, немеханизированными способами и прямое неуменье использовать существующий парк машин. Сказывается и то, что наши высшие учебные заведения, выпускающие строителей, далеко не всегда дают им достаточную подготовку в части строительных машин и механизации.

Механизация строительства связана не только с применением машин, заменяющих ручной труд на известных строительных операциях. Ещё большие перспективы открываются перед строительством на пути перехода к новым индустриальным методам строительства, при которых стандартные элементы строительных сооружений в массовом порядке изготовляются на заводах, перевозятся на место строительства, где индустриальными методами из этих стандартных элементов и деталей монтируются сооружения.

Огромны задачи механизации трудоёмких процессов на погрузочно-разгрузочных работах, на железнодорожном, морском, речном, автомобильном транспорте. Отдельные затруднения, связанные с выполнением производственных программ фабриками, заводами, шахтами, часто вызываются не отсутствием тех или иных материалов, необходимых для строительства, а медленной переброской этих материалов от пунктов заготовки к пунктам потребления.

На темпы транспортных операций влияет медленное проведение погрузочно-разгрузочных работ. Некоторые подсчёты показывают, что в СССР на погрузке занято несколько сот тысяч человек, из них половина — на железнодорожном транспорте, главным образом на подъездных путях промышленных предприятий.

Из-за недостаточной механизации погрузочно-разгрузочных работ в ряде случаев слабо используется подвижной состав. На железнодорожном транспорте простои из-за отставания механизации доходят до 20%, а на автомобильном транспорте они ещё выше.

При всём разнообразии погрузочно-разгрузочных работ всё же здесь можно установить некоторые виды работ, типичные для отдельных отраслей. На железных дорогах, например, 60% всех перевозимых грузов составляют сыпучие и кусковые грузы. Есть все возмож-

ности найти единые технические способы механизации и стандартные виды оборудования для погрузки и разгрузки этих материалов.

Механизация трудоёмких процессов требует повышенного внимания к так называемой малой механизации, не связанной с большими затратами. Оборудование для малой механизации может быть с успехом изготовлено собственными силами предприятий, а также в небольших механических мастерских на ремонтных заводах.

Министерство чёрной металлургии провело за истекшие годы полезное мероприятие, разрабатывая обязательные минимумы механизации для предприятий. Предприятия получали чертежи и схемы механизмов и машин, которые они были обязаны изготовлять для себя своими силами.

Подобное планирование малой механизации может иметь огромное значение и для других отраслей промышленности. Взять, например, угольную промышленность с большим количеством рабочих различных профессий, работающих вручную не только на основных работах, но и на вспомогательных, обслуживающих процессах и операциях. Сюда относятся такие операции, как подготовка, закрепление и раскрепление машин, перемещение крепёжных материалов и многие другие. В своё время на основе опыта шахт был разработан перечень простейших приспособлений, механизмов и машин, позволяющих если не полностью заменить ручной труд, то в значительной степени его облегчить.

К сожалению, до сих пор планы малой механизации не стали обязательными в угольной промышленности. Примером может служить работа плитовых в шахте. При движении груженой вагонетки под землёй в ряде пунктов она должна менять направление на 90 градусов. Вагонетку загоняют на металлическую плиту, и 2—3 человека вручную дают ей новое направление. Достаточно применить вместо плит поворотные круги для того, чтобы сразу облегчить этот тяжёлый процесс. А ведь сейчас на плитах работают тысячи рабочих. Подобных процессов, механизация которых под силу если не шахте и тресту, то комбинату, достаточно много.

Истекшие два года новой пятилетки показали, что наряду с плохим использованием машин для механизации их производство не всегда правильно организовано. Иногда наблюдается некомплектность поставок оборудования, необеспеченность машин и механизмов запасными частями. Заводы машиностроения, имеющие программы по выпуску новых машин, не уделяют достаточного внимания производству запасных частей. На шахтах приходится сталкиваться с таким явлением, когда запасную часть к конвейерному приводу бывает труднее получить, чем новый конвейерный привод. В результате руководитель предприятия, нуждающийся в запасной части, выписывает новый конвейерный привод и тем самым увеличивает число неиспользуемых на шахте машин.

Задача производства машин для механизации трудоёмких и тяжёлых работ поставлена сейчас как центральная перед крупнейшими министерствами, в первую очередь перед министерствами тяжёлого, строительного и дорожного, а также транспортного машиностроения. Только для механизации погрузочно-разгрузочных работ за пятилетие нужно изготовить большое количество разнообразных машин и механизмов. Нередко одни и те же виды оборудования и в первую очередь подъёмно-транспортное оборудование производятся на многочисленных заводах. К сожалению, при этом не всегда обеспечивается необходимая типизация производства этого оборудования.

Если осуществить типизацию и стандартизацию подъёмно-транспортного, погрузочного и других видов массового оборудования, что возможно только в нашей социалистической стране, то нетрудно будет перейти от мелкосерийного к крупносерийному и даже массовому поточному производству. А это, естественно, увеличит производствен-

ные возможности предприятий и позволит быстрее насытить трудоёмкие отрасли промышленности необходимыми машинами.

Большие задачи в деле механизации трудоёмких отраслей стоят также перед электромашиностроением и металлургией. Распространено мнение, что машины для механизации трудоёмких отраслей по своей конструкции достаточно примитивны и не требуют совершенного электрооборудования и высоких качеств металла. Это далеко не так. Переход к новым мощным врубовым машинам и комбайнам на протяжении ряда лет задерживался исключительно по вине электропромышленности, которая не могла организовать производство небольших по габаритам, но достаточно мощных моторов. Машины, работающие под землёй и механизирующие трудоёмкие процессы, должны соответствовать специфическим подземным условиям. Они должны быть малогабаритны, приспособлены для непрерывного перемещения, пригодны для работы в мокрых забоях, противостоять окислительному действию рудничных вод. Всё это предъявляет особые требования к металлу, применяемому для таких машин. Но металлурги не всегда обеспечивают горное машиностроение металлом необходимых марок, а это задерживает ход механизации.

Третий год послевоенной пятилетки является решающим для выполнения лозунга «Пятилетка в четыре года» во всей нашей промышленности. Этот год должен стать решающим и в ликвидации недостатков механизации трудоёмких отраслей.

Перед хозяйственными и партийными органами, перед руководителями предприятий, перед инженерно-техническими кадрами стоит ответственная задача — развернуть вовсю механизаторскую работу, что имеет огромное политическое и народнохозяйственное значение.

* * *

С механизацией производства неразрывно связана и его электрификация. Революционизирующее технику значение электричества было оценено ещё основоположниками марксизма. Маркс и Энгельс не раз указывали, что электричество революционизирует производство.

Значение электрификации для построения социализма и коммунизма было раскрыто Лениным и Сталиным. Ленин и Сталин рассматривали электрификацию как процесс подведения под нашу экономику базы новейшей техники. Советский народ, выполняя сталинские пятилетки, претворяет в жизнь великую ленинскую идею о том, что коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны.

Осуществление ленинского плана электрификации—плана ГОЭЛРО—было успешно завершено под руководством товарища Сталина ещё в годы первой пятилетки. С тех пор мы далеко ушли вперёд в деле электрификации народного хозяйства. В нашей промышленности уже достигнута высокая ступень электрификации производства. Значительны успехи по электрификации транспорта. Приступлено к широкому развёртыванию электрификации нашей деревни, что сыграет огромную роль в процессе уничтожения противоположности между городом и деревней.

Советская, плановая система хозяйства создаёт неограниченные возможности для рационального использования в народном хозяйстве электрической энергии.

Электрификация связана прежде всего с увеличением выработки электроэнергии, со строительством электростанций различных типов, объединяемых в крупные энергосистемы. В районах, богатых энергетическими ресурсами, осуществлялась и осуществляется выработка электроэнергии на мощных тепловых или гидроэлектрических станциях. Эта энергия передаётся на значительные расстояния, причём до сих пор для передачи использовался переменный ток.

В новой пятилетке, наряду с продолжением развития электростанций и линий переменного тока, выдвигается новая проблема освоения передачи электроэнергии постоянным током, что значительно увеличивает экономически целесообразный радиус её передачи. Это позволяет совершенно по-новому решать вопросы энергоснабжения, упрощает условия эксплоатации единой энергосистемы. Применение постоянного тока удешевляет передачу электроэнергии, уменьшает потери в линиях, сокращает затраты меди, вовлекает в круг полезного использования самые отдалённые энергоресурсы.

Вместе с тем новый пятилетний план, развивая директивы XVIII съезда партии, предусматривает широкое развитие строительства мелких и средних электростанций, особенно гидростанций, имеющих большое значение для электрификации районных центров и сельского хозяйства.

Пятилетний план даёт и развёрнутую программу дальнейшего внедрения электричества в промышленность, во всё народное хозяйство, что обеспечивает переход наших предприятий в значительно более высокий класс технической культуры.

Большое значение придаётся внедрению в промышленность индивидуального автоматизированного электрического привода и постепенному переходу к электроприводу, органически связанному или составляющему одно целое с исполнительными механизмами рабочих машин.

Известно, что в своё время появление в промышленности электрического привода сыграло колоссальную роль. Вся сложная система механической передачи при помощи валов и ремней, весьма неэкономичная и загромождавшая цехи, создававшая опасные условия работы, исчезла. На каждую машину оказалось возможным установить индивидуальный мотор со скрытой подводкой тока. Это дало огромные экономические и технические результаты. Были достигнуты не виданные до того гибкость и приспособляемость привода к условиям работы.

Но сейчас уже техника идёт дальше. Всё большее и большее значение приобретают многомоторные агрегаты, сконструированные так, чтобы в рамках машины каждая технологическая операция обслуживалась индивидуальным приводом.

Переход на многомоторные агрегаты даёт большой эффект в отношении экономии энергии, которая ранее терялась во внутренних передачах, создаёт систему гибкого управления машинами и предпосылки для полной автоматизации их работы.

Уже в настоящее время имеется ряд машин, скорость моторов которых регулируется в соответствии с требуемыми скоростями рабочих органов машины. Одновременно при этом решаются вопросы значительного увеличения скоростей рабочих машин. Типичным примером такой машины является современный электромеханический экскаватор, имеющий индивидуальные электрические двигатели на каждом из механизмов передвижения, подъёма, захвата и т. п., или вспомогательный многомоторный механизм прокатного стана, или система управления на современном тяжёлом боевом самолёте, где количество индивидуальных электромоторов, связанных с органами автоматического управления, измеряется десятками и даже сотнями.

Не менее характерен пример агрегатных станков в машиностроении, где каждый рабочий инструмент имеет свой электропривод, вступающий в действие в соответствующий момент, обусловленный ходом технологического процесса.

Но электрификация — это не только электростанции и электропривод: электрификация имеет гораздо более широкое поле для своего применения. Важнейшей тенденцией является расширенное применение электротехнологии прежде всего в новых и ведущих отраслях техники—

в производстве лёгких и цветных металлов, легированных сталей, химических продуктов, в металлообработке.

Электротехнология, значение которой особо подчёркивается в новом пятилетнем плане, связана с электрохимическими и электротермическими процессами. Электротермия, например, т. е. вся система разнообразных электропечей: дуговых, использующих эффект электрической дуги, индукционных, где токи высокой частоты, вызывая нагрев металла, обеспечивают плавку его,— является основой производства высоких сортов качественного металла. Вся новая техника изготовления этих марок металла, требуемого для современной промышленности, связана с применением электротермических процессов.

Надо отметить при этом исключительные перспективы применения токов высокой частоты. Речь идёт о такой закалке металла, при которой могут быть выдержаны с большой точностью требуемая глубина и твёрдость закалённого слоя и распределение на детали закалённых и незакалённых поверхностей. Впервые при этом способе термической обработки деталей получается такое сочетание твёрдой поверхности изделия и вязкой, пластичной сердцевины его, которое практически не может быть достигнуто никакими старыми методами обработки. Примером может служить обработка коленчатых валов двигателей внутреннего сгорания. Раньше коленчатый вал мотора требовал особо качественных легированных металлов. Теперь можно изготовлять этот коленчатый вал из более дешёвого металла. Заготовка коленчатого вала поступает сейчас в установку для высокочастотной закалки, где за несколько минут повышается твёрдость тех частей вала, которые несут основную нагрузку при работе мотора.

Производительность высокочастотного метода термообработки исключительно велика. Значительно ускоряются темпы закалки деталей. Сотни миллионов рублей экономии может дать народному хозяйству широкое применение токов высокой частоты в металлопромышленности.

Термическая обработка металлов, сушка древесины токами высокой частоты — это всего лишь малая доля тех огромных возможностей, которые открывают перед народным хозяйством токи высокой частоты. Токи высокой частоты могут быть широко использованы в ряде отраслей промышленности, в том числе и в таких отраслях, как пищевая, консервная и другие отрасли промышленности.

Огромное значение имеет также электрификация железнодорожного транспорта, где применение мощных магистральных электровозов, выпускаемых нашей промышленностью, позволяет значительно увеличить пропускную способность наиболее загруженных и трудных участков существующей железнодорожной сети. Наряду с электровозами широко применяются и мощные тепловозы, электрические двигатели которых питаются не от контактной сети, а от собственной дизель-генераторной установки с автоматическим регулированием мощности. Такой тип локомотива обладает полной автономностью и независимостью от контактной сети и источников водоснабжения. В то же время он имеет высокие тяговые свойства, присущие локомотиву с индивидуальным электроприводом на ведущих осях.

Если электровоз содействует увеличению пропускной способности существующей сети железных дорог, то тепловоз незаменим в наших безводных юго-восточных районах, где близость источников нефти и недостаток воды делают его применение особенно целесообразным.

Пятилетний план предусматривает широкое развитие электровозостроения и тепловозостроения, а также значительный рост электрифици-

рованного подвижного состава для городского транспорта (трамвай, троллейбус, метро).

Всё большее и большее распространение получают также электрохимические процессы. Без электрохимии невозможно сейчас представить себе ключевых отраслей промышленности, опять-таки связанных с новой техникой. Производство алюминия, получение особо чистых металлов и ряда новых веществ связаны с электрохимическими процессами.

Революционное шествие электрического тока, ежедневно проникающего в самые разнообразные отрасли народного хозяйства, только ещё начинается.

Приведём следующий пример. До сих пор электрохимия охватывала в основном электролиз водных растворов и расплавленных сред. А сейчас выступает на сцену новая ветвь электрохимии — газовая электрохимия, которая открывает совершенно новые возможности в получении ацетилена из природного газа, азотной кислоты из воздуха и целого ряда продуктов органического синтеза на базе окиси углерода и водорода.

Электричество представляет собой один из немногих видов энергии, который может быть целиком переведён в энергию химическую. Нужно найти только пути, наиболее рациональные методы этого перехода, и тогда внедрение электричества в химическую технологию получит невиданный размах.

Мы ещё только подходим к практическому использованию тех новых сторон электричества, которые уже сейчас вырисовываются. Можно привести для примера новые способы электрического освещения. Применение люминисцентных источников света, новая светотехника, использование высокочастотных приборов — всё это характеризует только начало ещё более широкого распространения электроэнергии в этой области.

Новые широчайшие перспективы открывает современная техника для развития радиосвязи, телевидения, радиолокации и управления машинами, самолётами, судами на расстоянии.

Радио быстро внедряется во все виды транспорта, в промышленность, создавая совершенно новые условия для научных исследований в этой области. Всё это связано с токами высокой частоты и электронной техникой. Мы стоим на пороге нового подъёма электронной техники, завоёвывания ею новых областей. Перед нашими научно-техническими кадрами стоит задача дальнейшего развития и внедрения в производство передовой техники, основанной на использовании электроэнергии. Мы должны в кратчайший срок превзойти достижения мировой технической мысли в этой области.

* * *

Другим направлением развития нашей техники в новой пятилетке является широкое внедрение химических процессов в производство.

Ещё Маркс подчёркивал, что по мере развития науки механическая технология будет всё более и более уступать место технологии химической. Мы сейчас являемся свидетелями этого растущего значения химических процессов в самых разнообразных отраслях народного хозяйства.

Не говоря уже о дальнейшем внедрении новой техники в такие отрасли химической промышленности, как сернокислотная, содовая, азотная, анило-красочная, без которых сейчас немыслимо развитие химической техники вообще, необходимо остановиться на новых отраслях химической технологии и прежде всего на промышленности органического синтеза.

Современная наука открыла исключительные возможности в деле различного рода преобразований вещества. Синтетически мы получаем

сейчас в промышленном масштабе не только те вещества, которые даёт нам природа, — синтетический каучук взамен естественного, синтетический бензин взамен бензина из нефти и т. д., — но получаем также целый ряд продуктов, которые не встречаются в естественном виде.

Наука, всё более внедряясь в область химии углеводородов, создаёт сейчас тысячи новых продуктов, не известных в природе.

Возьмём такую область, как пластмассы. Это относительно новая отрасль, перед которой открыты огромные перспективы. Пластмассы в ряде случаев не только заменяют, но превосходят по своим качествам металл. Значение пластмасс для техники можно проиллюстрировать следующим примером. В горной промышленности, например, бичом является разъедание насосного оборудования кислотными рудничными водами. Турбинку насосов эти кислотные рудничные воды буквально съедают в самый короткий срок. С этим разъеданием пытались бороться путём применения очень дорогих марок металла. Но накануне Отечественной войны на одной из шахт советские инженеры установили в насосе турбинку из текстолита — специального вида пластмассы. Прошло 5 лет. За время войны об этой турбинке и не вспоминали. А сейчас при осмотре оказалось, что, несмотря на очень активный характер рудничных вод, эта турбинка великолепно сохранилась и продолжает нормально работать. Это маленькая иллюстрация тех необъятных возможностей, которые открываются перед новым видом материалов — пластмассами, получаемыми нашей промышленностью органического синтеза.

Разрабатывая вопросы моторного топлива, промышленность органического синтеза открыла совершенно не известные до сих пор возможности получения исключительно высокооктановых бензинов, которые сыграли огромную роль в повышении боевых качеств советской авиации.

Какой бы отрасли промышленности ни коснуться, все они в настоящее время в той или иной форме связаны с химической промышленностью. Сдвиги, происшедшие в химической промышленности, открывают огромные перспективы и для химизации сельского хозяйства. Внедрение азотистых, фосфорных и других новых видов удобрения, которые создаются в настоящее время, должно в будущем в значительной мере изменить облик сельского хозяйства.

Каковы же основные пути развития новой химической техники? Можно наметить по крайней мере пять линий в этом развитии.

Это, во-первых, замена физических методов обработки вещества химическими методами его переработки. Возьмём в качестве примера нефть. Раньше она термически разгонялась на свои составные части, имеющие различную температуру кипения. В итоге перегонки получали бензин, керосин, смазочные масла, мазут. Главный продукт — бензин — был не очень высокого качества, и выход его был невелик.

Дело коренным образом меняется при каталитическом крекинге нефти с применением в качестве факторов воздействия таких агентов, как катализатор, давление, температура. Такая переработка вторгается в самую химическую структуру молекул, составляющих нефть, в связи с чем открывается возможность получать из нефти бензин высоких антидетонационных свойств, высококачественные масла с необходимыми свойствами, ароматические соединения, ценные газы для дальнейшего химического использования.

Это, во-вторых, синтез новых материалов с новыми, заранее заданными свойствами, и синтез веществ, ранее получавшихся из природных материалов. Всем известная уксусная кислота, имеющая большое значение для современной промышленности, ранее получалась при сухой перегонке дерева. Это было дорого и требовало истребления лесов. Теперь

же уксусная кислота может быть получена через карбид кальция из ацетилена синтезом Кучерова, т. е., в конечном счёте, из угля и извести.

То же можно сказать про широко распространённый в промышленности метиловый спирт — исходное сырьё для получения формалина. Раньше этот спирт также получался при сухой перегонке дерева, а сейчас его можно получать окислением природных газов, синтезом из окиси углерода и водорода, т. е. из совершенно другого, более дешёвого, более распространённого сырья.

Синтезом получается целая гамма растворителей, пластических масс с самыми различными свойствами, начиная от прозрачности, негорючести, пуленепробиваемости, кончая высокими изоляционными свойствами, исключительной механической прочностью, коррозионной стойкостью и т. д.

Синтез искусственного волокна (найлон, перлон, искусственный шёлк и т. д.), синтез смазочных масел, моющих средств, фармацевтических препаратов, искусственных минеральных удобрений и инсектофунгисидов (средств борьбы с вредителями сельского хозяйства), синтез каучука, синтез драгоценных минералов — это далеко не полный перечень тех громадных возможностей, которые раскрывает современная химия.

Но если современная химия развивается под знаком синтеза новых материалов, то не менее важное значение в ней имеют процессы разложения, когда из сложных, иногда малоценных материалов получаются простые, высокоценные материалы. Это третья линия развития химии. Из поваренной соли электрохимическим разложением её получают металлический натрий, каустик, хлор. Из бывшего отброса соляных залежей, хлористого магния, получают лёгкий металл — магний, из воды — водород, кислород. Из воздуха методами разгонки получают кислород, аргон, криптон, ксенон и т. д.

Четвёртая линия развития — это замена простого энергетического использования природных материалов их химическим использованием, облагораживание и громадное увеличение их полезности. Великий русский учёный Менделеев говорил: «Нефть это не топливо — топить можно и ассигнациями». Действительно, химическая переработка нефти как база органического синтеза, например, синтеза каучука, спиртов, кислот, смазочных веществ, лекарственных препаратов, красящих веществ, намного повышает её стоимость и ценность для общества.

Не в меньшей мере это можно сказать про уголь, на базе которого можно создать и жидкую нефть, и пластические массы, и лекарства, и краски. То же относится к горючим газам, древесине, из которой можно получать не только бумагу, искусственное волокно, но и кормовой сахар и спирт.

Наконец, пятая линия развития — это линия на сохранение материалов, на удлинение срока их жизни, на улучшение их механических, физических и термических свойств. Всем известно, что коррозия стальных конструкций, коррозия железа, стали, лёгких металлов ежегодно приводит к огромным потерям в нашем народном хозяйстве большого количества железа и других металлов. То же относится к гниению деревянных столбов, шпал, деревянных конструкций и т. д. Предохранительные электрохимические покрытия, покрытия лаками, красками, азотирование сталей, различного рода металлизированные покрытия, химическая пропитка дерева и т. д. сохраняют и удлиняют жизнь различного рода машин, конструкций, сооружений. Ещё большую роль химия играет в изготовлении особо прочных сталей, сталей, имеющих исключительные антикоррозионные свойства, выдерживающих действие таких агрессивных средств, как кислоты, щёлочи, нагретые газы и т. д.

Наконец, изготовление температуроустойчивых сталей, выдерживающих одновременное воздействие высоких температур и механических нагрузок, является также делом химии высоких температур. Достижения

в этой области позволили нам надёжно овладеть техникой высоких давлений и высоких температур, имеющих исключительное значение в теплоэнергетике, в химии, в авиации и т. д.

Во всех этих областях нашим учёным и инженерно-техническим кадрам предстоит решить в ближайшее время ряд сложных проблем, повысить роль химии в производстве.

* * *

С механизацией, электрификацией и химизацией тесно связана интенсификация производственных процессов. Роль интенсификации как одного из важнейших направлений нашей технической политики подчёркивается в послевоенном пятилетнем плане. Интенсификация резко сокращает цикл производства, обеспечивает улучшение использования оборудования, даёт огромную экономию в народном хозяйстве. Интенсификация процессов осуществляется как в области механической, так и в области химической технологии. Все разделы пятилетнего плана, посвящённые машиностроению, по существу являются развёрнутой программой интенсификации механической технологии.

Известно, что агрегатные станки гораздо производительнее универсальных. Автоматические поточные линии, которые сейчас монтируются на ряде заводов, обслуживаются обычно 2—3 рабочими. Эти линии заменяют собой не менее 55—60 человек, которых надо было бы занять при обработке деталей на отдельных станках. Все новые виды технологии, по существу, означают резкую интенсификацию производства, осуществляя переход от старых методов к более совершенным, эффективным способам работы.

В машиностроении широко применяются более производительные методы ковки, литьё под давлением, штамповка быстроходными прессами. Скорости резания повышаются до небывалых ранее величин — до 1500 метров в минуту. Внедряются электроискровый способ обработки металлов, методы закалки токами высокой частоты и т. п. Вся эта новая технология должна широко распространяться на наших заводах.

Интенсификация производства на машиностроительных заводах, намеченная послевоенным пятилетним планом, резко увеличит использование производственных мощностей отдельных цехов и заводов, даст дальнейший рост производительности труда и снижение себестоимости продукции. Борьба за выполнение пятилетки в четыре года требует всемерного использования тех возможностей, которые таит в себе интенсификация технологических процессов.

Ещё большие возможности имеются для интенсификации технологических процессов в химической промышленности. Химия отличается от механической технологии тем, что здесь имеет место, как правило, непрерывный процесс, что резко повышает интенсификацию производства и эффективность использования оборудования. Например, переход к непрерывному процессу в анилиновой промышленности в 7 раз увеличил съём с кубометра объёма аппаратуры. При производстве суперфосфатов за счёт перехода к непрерывному производству удалось увеличить производительность соответствующих установок в 2 раза.

Какими же методами и путями обеспечивается интенсификация технологических процессов в области химии?

Значительную роль здесь играет применение катализаторов, т. е. веществ, ускоряющих химические реакции. Катализаторы не только ускоряют химические реакции, но и дают возможность направлять реакцию в необходимую сторону. Известно, что из окиси углерода и водорода можно получить малоценное горючее — газ метан. Но, если

вести эту реакцию при специальном катализаторе, можно получить из этой смеси ценный продукт — метанол. Применяя другие катализаторы, можно получить из той же смеси углерода и водорода ряд других спиртов и органических кислот. Разрабатывая новые и новые катализаторы, мы не только интенсифицируем ряд процессов (например, синтез аммиака, производство серной кислоты, метанола и другие), но и обеспечиваем получение новых ценнейших продуктов.

Успехи в области научной разработки вопросов катализа позволяют нашей химической промышленности осуществлять ряд высоко интенсивных процессов, особенно в области органического синтеза.

Для характеристики того, какие возможности открывает каталитическая реакция, можно взять переработку нефти. До применения этой реакции из нефти получали 20—25% бензина, а в результате её применения — значительно больше.

Следующим важнейшим направлением в области интенсификации химических процессов является применение высоких давлений, которые не только сокращают объёмы необходимой аппаратуры, но и в сильной степени интенсифицируют процессы. Достаточно сказать, что без применения высокого давления осуществление ряда таких важных процессов, как, например, синтез аммиака, невозможно.

Высокое давление всё в большей степени применяется там, где раньше применялось обычное давление. Это относится, например, к производству азотной и серной кислот.

Если до второй мировой войны предел используемых давлений в химической промышленности не превышал тысячи атмосфер, то в настоящее время он доходит до 2—2,5 тысячи атмосфер (например, в производстве некоторых видов пластмасс и при других физико-химических процессах).

Третьим направлением в интенсификации химической промышленности является указанное выше применение кислорода. Можно без преувеличения сказать, что в области применения кислорода для интенсификации химической промышленности советские учёные прокладывают новые пути в науке.

Громадное значение имеет применение кислорода в газификации твёрдого топлива. Так, например, уже в 1944 году на Чирчикском химическом комбинате кислородное дутьё при газификации кокса позволило повысить производительность газогенератора в 2 раза, с одновременным сокращением расхода кокса. Наряду с этим применение кислорода упростило управление процессом, сделало его более надёжным, уменьшило вредность обслуживания, намного сократило ремонты и простои оборудования, позволило отказаться от значительного ремонтного персонала в цеху.

Огромное значение имеет применение кислорода для широкого осуществления ленинской идеи подземной газификации угля, которая является одной из важнейших задач технического развития в послевоенной пятилетке. Новые возможности открывает применение кислорода для газификации низкосортных углей.

Кислород играет исключительную роль при проведении новых процессов окисления углеводородов, когда, например, при помощи действия давления и кислорода на метан природного газа можно получить метиловый спирт. Действуя кислородом на другие углеводороды и даже уголь под высоким давлением, можно получить целый ряд важнейших органических спиртов и кислот.

Кислород становится на вооружение химической промышленности. Он внедряется в такие старые химические производства, как азотная кислота, серная кислота, в производство соды и т. д.

Наконец, в ряде производств большое значение имеют высокие температуры, как фактор интенсификации производства и наиболее рационального его проведения (производство абразивных материалов, искусственных драгоценных камней, высокопрочных искусственных минералов, керамическое производство и ряд других химических процессов).

* * *

Следующим важным элементом технического прогресса является автоматизация производственных процессов, являющаяся результатом длительного развития техники. Можно сказать, что всё развитие техники, связанное с внедрением электропривода, с осуществлением химизации и т. д., подготавливает переход к полной автоматизации. Необходимость перехода к автоматической системе машин была глубоко вскрыта ещё Марксом в его анализе машинного производства.

«Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз её приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, напр., паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений всё ещё нуждаются в содействии рабочих... Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала без содействия человека, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, поддаётся дальнейшему усовершенствованию в деталях» (К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 419. 1937).

Давая характеристику автоматизации почти сто лет назад, Маркс предсказывал тот процесс, который во всём своём многообразии начинает развёртываться на наших глазах. Однако возможности технического прогресса в капиталистическом обществе находятся в явном противоречии с его экономической организацией. Капиталистические монополии тормозят развитие автоматики.

Совершенно иное дело — автоматика в социалистическом советском хозяйстве. Партия и правительство, осуществляя гигантскую работу по техническому перевооружению страны, настойчиво подчёркивают важность последовательной автоматизации производственных процессов. При этом автоматика рассматривается уже не только как средство создания более совершенной технологии, но и как способ управления всеми технологическими процессами, в том числе и такими, которыми человек с помощью своих естественных органов уже управлять не может. Так, например, ряд процессов в промышленности протекает при очень высоких температурах, при очень больших скоростях, и управлять ими человек может только через систему автоматов, которая регулирует эти процессы и обеспечивает соблюдение заранее заданного нормального режима.

Проблема широкой автоматизации промышленности и транспорта была поставлена ещё в резолюции XVIII съезда ВКП(б) по докладу товарища Молотова. На основе этого решения был автоматизирован ряд звеньев различных технологических процессов. Ещё перед войной осуществлялась автоматизация отдельных процессов в энергетическом хозяйстве, в химической промышленности, в металлургии и машиностроении, на транспорте. В энергетическом хозяйстве наиболее полно автоматизированы гидроэлектростанции. С 1932 года работает первая автоматизированная ГЭС в районе города Еревана. Закрытая на замок, она работает без обслуживающего персонала и только для контроля изредка посещается монтёром. Подобным же образом автоматизированы ГЭС на канале имени Москвы, ГЭС в Средней Азии, под Ленинградом.

Тепловые электростанции так же широко применяют автоматику в самых различных звеньях. Наиболее отсталыми с точки зрения автоматики являются котельные цехи. Первые отечественные регуляторы горения появились лишь в 1939 году. Но уже в настоящее время многие теплоэлектрические станции снабжены автоматами, заменяющими тяжёлую и трудоёмкую работу кочегаров, обеспечивающими значительную экономию топлива за счёт соблюдения оптимального режима горения.

Идея автоматизации всё шире претворяется в жизнь. Послевоенный пятилетний план требует значительно более широкого применения автоматизации, даёт прямые директивы осуществлять автоматизацию в ряде отраслей промышленности — химической, нефтеперерабатывающей, синтетического каучука, чёрной и цветной металлургии.

Закон о пятилетнем плане обязывает обеспечить внедрение в промышленность индивидуального автоматизированного электропривода. Развёрнутая программа даётся по автоматизации машиностроения. Особо подчёркивается необходимость внедрить автоматические поточные линии и агрегатные станки. За пятилетие намечено автоматизировать бумажное и целлюлозное производство, широко внедрить автоматическое и полуавтоматическое оборудование в пищевой и лёгкой промышленности.

Какие возможности и перспективы повышения эффективности работы открывает автоматизация? Отдельные примеры иллюстрируют эти возможности в станкостроении. За год до Великой Отечественной войны на Сталинградском тракторном заводе была пущена первая автоматическая поточная линия. Она объединяла всего пять станков и обеспечивала выполнение десяти операций по обработке и сборке поддерживающего ролика тракторной гусеницы. Так было до войны. Теперь мы имеем автоматические поточные линии, которые объединяют не 10, а гораздо больше операций по обработке всевозможных трудоёмких деталей, например, таких, как блок цилиндров тракторного мотора.

Какую эффективность дают эти автоматические линии? На универсальных станках обработка одной из деталей блока занимала 195 минут, на автоматической поточной линии для этого требуется всего 3,5 минуты. Раньше автоматические линии объединяли операции только по механической обработке деталей. Теперь автоматические линии объединяют механическую обработку, обработку давлением, термическую обработку током высокой частоты, химическую обработку, обезжиривание, краску, сушку и т. д., т. е. весь комплекс операций, необходимых для изготовления той или иной детали.

Особенно велики возможности автоматизации в химической промышленности. Непрерывные процессы химической технологии, требующие соблюдения строго заданного технологического режима, немыслимы без применения автоматического управления. При заданном режиме температуры и давления для обеспечения бесперебойности производственного процесса особенно важно обеспечить автоматизацию. Всякие нарушения технологического процесса, отступления от заданного режима приводят к остановкам, простоям, значительно труднее преодолеваемым, чем при механической технологии.

Полностью должны быть автоматизированы такие производства, как, например, фенольное, синтетического глицерина и др. Необходимость автоматизации поставлена также перед резиновой, целлюлозно-бумажной, текстильной, обувной, трикотажной, пищевой промышленностью.

Широко предусмотрена автоматизация железнодорожного транспорта. По пятилетнему плану на автоблокировку переводится дополнительно 10 400 километров железных дорог. Осуществление кэб-сигнализации,

авторегулировки, автоматизации горения в котлах паровозов, диспетчерской централизации, радиосвязи с движущимся железнодорожным составом и т. д. высоко поднимет уровень автоматизации транспорта.

Приведённые примеры ясно показывают, какое универсальное значение имеет автоматика для современной техники. Автоматика — путь непрерывного ускорения производства, расширения выпуска продукции, повышения производительности труда. Автоматика — новый, более высокий уровень техники.

Применение автоматики немыслимо без широкого развёртывания научных работ. На примере автоматики ярко проявляется связь между техникой и наукой. Только в условиях социалистического общества эта тесная связь науки с техникой даёт результаты, только здесь автоматика получает возможность своего полного развития. Автоматическая система машин — это техника коммунизма.

Непременным условием интенсификации и автоматизации народного хозяйства является широкое внедрение новых машин и различных аппаратов управления и контроля. Ведущая роль новых машин в коренной перестройке промышленности подчёркнута в пятилетнем плане.

Большая программа дана пятилетним планом по электромашиностроению, новым совершенным турбинам, генераторам (например, с водородным охлаждением), котлам. Такова же программа производства машин для механизации трудоёмких работ. Машиностроение попрежнему остаётся ведущей отраслью в современной технике.

Значительную роль начинает играть и производство аппаратуры контроля и управления. Вот почему пятилетний план ставит задачу увеличить производство различных приборов в 7 раз. Это полностью отвечает тем сдвигам, которые происходят в народном хозяйстве.

Возможности в области создания аппаратуры исключительно велики. Мы имеем различные, очень остроумно сконструированные, очень гибко работающие реле, которые могут автоматически включать, выключать, направлять ход механических процессов, поддерживая оптимальный режим.

Достижения в области приборостроения наглядно видны на примере созданного в СССР электронного микроскопа. Обычный оптический микроскоп даёт увеличение в 1,5—2 тысячи раз; электронный же даёт увеличение в 25—50 тысяч раз и выше. Уже можно рассмотреть крупные молекулы. Это значит, что мы подходим к возможностям наблюдать элементы микрокосмоса. Применение такого совершенного, сильно действующего электронного микроскопа позволило по-новому изучить весь механизм катализа. Природа этого процесса, самый его характер очень сложны. Но при помощи электронного микроскопа нам удаётся всё более и более глубоко проникать в тайны этого сложного процесса.

* * *

Рассмотренные выше направления в развитии советской техники показывают, какие мощные рычаги имеет советский народ для досрочного осуществления первой послевоенной пятилетки в четыре года, для выполнения великих предначертаний товарища Сталина по построению коммунистического общества.

Партия и советская власть оказывают всестороннюю помощь развитию науки и техники, нашим учёным, нашей производственно-технической интеллигенции. В своём докладе о 30-летии Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Молотов ярко подчеркнул внимание, которое оказывается передовой технике в нашей стране.

«Постоянная забота Советской власти о внедрении новой техники во всех отраслях промышленности, транспорта и сельского хозяйства,—

говорил товарищ Молотов,— является надёжной гарантией дальнейшего всестороннего подъёма социалистического хозяйства».

Забота партии, правительства и лично товарища Сталина о всемерном развитии науки и техники, об укреплении связи науки с производством значительно ускоряет наше движение вперёд. В работах Ленина и Сталина, в решениях партии дано глубокое обоснование путей развития социалистической техники и её роли в построении коммунистического общества.

В производственных планах всех отраслей народного хозяйства находит своё конкретное выражение линия коммунистической партии и советского государства на внедрение новой техники, дальнейшую механизацию, электрификацию, химизацию и автоматизацию производства. В социалистических обязательствах работников промышленных предприятий вопросы дальнейшего развития техники и её рационального использования занимают важнейшее место.

Высокие темпы развития народного хозяйства СССР в годы сталинских пятилеток, темпы, каких не знала ни одна капиталистическая страна на протяжении всей своей истории, были достигнуты в значительной мере потому, что социалистическая экономика развивалась на базе новейшей техники, на базе использования передовых научных достижений в производстве.

Советские учёные не жалеют сил для выполнения указаний товарища Сталина о необходимости «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

В результате достигнутых успехов в области использования новой техники и воспитания многомиллионной технической интеллигенции были созданы условия для ещё более быстрого технического прогресса в нашей стране.

Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства в послевоенный период предъявляют новые требования к науке и технике. Наша научно-техническая мысль должна двигаться вперёд и вперёд. Этого требуют задачи дальнейшего укрепления экономической и военной мощи советского государства, задачи создания материально-технической базы для перехода от социализма к коммунизму.

Возникновение марксизма — революционный переворот в философии

В. Светлов, Т. Ойзерман

Марксизм — великая научная теория, верное оружие пролетариата в его борьбе за уничтожение капиталистического строя и победу коммунизма. Ленин и Сталин гениально продолжили учение марксизма, обогатив и развив всё его содержание на основе нового опыта освободительной борьбы пролетариата и строительства социализма в нашей стране. Победа социализма в СССР — всемирноисторическое торжество учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, замечательное свидетельство теоретической мощи и практически действенного значения марксизма-ленинизма.

Основоположники марксистской философии произвели коренную революционную ломку всех прежних философских и социологических идей и воззрений, создали новое, подлинно научное миропонимание.

Корни марксизма находятся в мировом рабочем движении, теоретическим выражением которого он и является. Как всякая новая теория, отмечает Энгельс, марксизм должен был исходить из накопленного до него идейного материала. Ленин указал на три источника марксизма, соответствующие трём его составным частям — философии, политической экономии, социализму. Рассматривая отношение марксизма к каждому из его источников, Ленин показывает, что появление марксизма ознаменовалось величайшими завоеваниями научной мысли во всех этих областях.

Одной из коренных особенностей марксистской теории является то, что она применена не только к прошлому, но и к настоящему и будущему. Классическая политическая экономия была вся устремлена на то, чтобы консервировать буржуазные общественные отношения и представить капиталистическую экономику как естественный и вечный порядок. Маркс характеризовал Рикардо как «классического представителя (выразителя) интересов буржуазии и самого стойкого противника пролетариата» (К. Маркс, Ф. Энгельс «Избранные письма», стр. 63. 1947).

Классическая политическая экономия не в состоянии была в какой бы то ни было степени отразить общественный результат буржуазного производства. Энгельс писал: «Общественная наука буржуазии, классическая политическая экономия, занимается преимущественно лишь теми общественными последствиями человеческих действий, направленных на производство и обмен, достижение которых непосредственно имеется в виду. Это вполне соответствует тому общественному строю, теоретическим выражением которого она является. Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание могут приниматься в первую очередь лишь ближайшие, наиболее непосредственные результаты» («Диалектика природы», стр. 145. 1946.).

Эта ограниченность, свойственная классической политической экономии, характерна и для других областей домарксистской мысли — для утопического социализма и для философии. Хотя утопический социализм и содержал в себе некоторые догадки насчёт будущего обще-

ства, однако эти его положения, как указывается в «Манифесте Коммунистической партии», выражали лишь стремление к устранению классового противоречия, которое только что начало развиваться и было известно утопистам лишь в его первичной бесформенной неопределённости. «Поэтому и положения эти имеют ещё совершенно утопический характер» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», стр. 97; 1948). Что касается области философии, то предшествовавший марксизму материализм был метафизическим, антиисторическим, а диалектика, которая была представлена у Гегеля в идеалистической форме, не стала и не могла стать в этой своей форме орудием научного познания и предвидения.

Энгельс указывает, что для создания общественной науки, в частности науки политэкономии, «гегелевский метод в его имевшейся налицо форме был совершенно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было более материалистичным, чем все предыдущие. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию, «от ничего через ничто пришёл к ничему», был в этой форме здесь совершенно неуместен».

Маркс и Энгельс создали диалектический метод, прямо противоположный диалектическому методу Гегеля. Гегелевская диалектика была обращена лишь в прошлое, причём это прошлое изображала извращённо, как саморазвитие абсолютного духа. Марксизм, как отмечал Ленин, ставит вопросы на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» (Соч. Т. XVIII, стр. 26). Марксизм, указывал Ленин, рассматривает общественное движение «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего» (там же, стр. 28). В этом сказывается противоположность пролетарского мировоззрения мировоззрению эксплуататорских классов. Раболепная приверженность к прошлому отражала классовую природу этих учений. Они обращались к прошлому, чтобы не привлекать внимание к антагонизмам современной им эпохи.

Появление марксизма было отмечено гениальными открытиями во всех областях: в политэкономии, философии, теории социализма,—и суть этих открытий заключается в том, что они дали научно обоснованное знание того, как и куда развиваются события в настоящем и как они должны развиваться в будущем. Это ознаменовалось созданием науки политэкономии, созданием научной философии, превращением социализма из утопии в науку.

Тов. Жданов в своём выступлении на философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» указал, что «Маркс и Энгельс создали новую философию, качественно отличающуюся от всех предыдущих, хотя бы и прогрессивных, философских систем», что «возникновение марксизма было настоящим открытием, революцией в философии».

Марксизм не может рассматриваться как простой преемник предыдущих прогрессивных учений. Возникновение подлинно научного мировоззрения не могло явиться в результате лишь улучшения, исправления и дальнейшего развития этих учений.

Марксизм совершил революционный переворот в философской и общественной мысли, ибо он был призван дать ответ на вопросы, поставленные освободительной борьбой пролетариата. Товарищ Сталин учит, что марксизм «есть научное выражение коренных интересов рабочего класса». Определяя основное содержание марксистско-ленинской теории, товарищ Сталин характеризует её как «опыт рабочего движения всех

стран, взятый в его общем виде». Возникновение марксизма явилось научно-философским отражением с позиций революционного пролетариата экономических и политических антагонизмов буржуазного общества, назревающей в недрах этого общества объективной необходимости революционного его преобразования в социализм. Отсюда ясно, что содержание марксизма нельзя выводить из предшествующих ему учений, которые пренебрегали опытом борьбы угнетённых трудящихся классов. Марксизм, учит товарищ Сталин, есть прежде всего «наука о развитии общества, наука о рабочем движении, наука о пролетарской революции, наука о строительстве коммунистического общества» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 339).

Точка зрения пролетарской партийности была руководящей нитью для Маркса и Энгельса в их титанической работе по созданию научной, материалистической философии. История возникновения и развития марксизма наглядно подтвердила мысль Энгельса о том, что чем смелее, воинственнее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами рабочего класса. Отстаивая и проводя в теории и на практике интересы пролетариата, Маркс и Энгельс превратили философию в науку и этим дали рабочему классу могучее оружие познания и переделки мира.

Маркс и Энгельс были первыми мыслителями, которые обратились со своими идеями к пролетариям всего мира. Основоположники марксизма увидели в пролетариате то, что было скрыто от взоров всех без исключения предшествовавших им мыслителей. Даже те прогрессивные деятели прошлого, которые поднимали голос протеста против эксплоатации и угнетения народа, в лучшем случае относились к нему с чувством соболезнования и сострадания; они не верили, что пролетариат может сам себя освободить, не понимали, что освобождение пролетариата является окончательным разрешением всех социальных антагонизмов; претендуя учить трудящихся, они не думали сами учиться у них, рассматривая народ как неспособный к самостоятельному разумному историческому действию и ждущий своего избавления от какого-либо «законодателя», «героя» и т. д. Поэтому и протест их против эксплоатации не давал ничего кроме общих фраз, осуждающих эксплоатацию, но не выясняющих её причины, не дающих «понимания развития общества, ведущего к социализму», понимания «классовой борьбы, как творческой силы осуществления социализма» (Ленин. Соч. Т. 5, стр. 300. 4-е изд.).

Домарксовские учения, даже те из них, которые выдвигались прогрессивными классами, всегда оставались достоянием мыслителей-одиночек или небольшой группы их последователей, составлявших незначительные секты. Таков был, например, утопический социализм XIX века.

Лишь марксистское учение явилось тем великим завоеванием научной мысли, которое служит делу освобождения трудящихся. Марксизм указал пролетариату выход из рабства — выход, которого не могли найти трудящиеся классы докапиталистических классовых формаций. Марксистская наука, выяснив роль народных масс в истории, роль пролетариата в революционном социалистическом преобразовании общества, теоретически вооружила его, дала в его руки могучее средство освобождения. Став научной идеологией пролетариата, учение марксизма, как говорил Ленин, перестало быть произведением одного, хотя и гениального, социалиста XIX века. «Это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всём мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма» (Соч. Т. XXX, стр. 406).

Лишь учение Маркса завоевало на свою сторону миллионные массы трудящихся, нашедших в нём оружие своего духовного и материального освобождения. В силу этого марксизм оказался единственной революционной теорией, способной выдержать испытание временем, испыта-

ние в ходе классовой борьбы. Каждая новая историческая эпоха со времени возникновения марксизма приносила новые подтверждения его положениям, подтверждала жизненность его принципов, великую организующую, мобилизующую и преобразующую роль его идей, привлекала на его сторону всё новые и новые миллионы сторонников. Принципиально новую роль марксистской науки замечательно выразил товарищ Сталин:

«Прежде всего необходимо знать, что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним «преклоняются» пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растёт и крепнет с каждым днём» (Соч. Т. 1, стр. 350).

* * *

То обстоятельство, что марксистская философия является учением и знаменем миллионов трудящихся, характеризует принципиально новое отношение этой философии к жизни, к жизненным интересам и исторической деятельности масс. Марксистская философия характеризуется также принципиально новым отношением к наукам. Она не ставит себя над науками, не подменяет собой других наук, она развивается на основе обобщения данных конкретных наук. Это означает коренное изменение места философии среди других наук, изменение предмета философии.

Тов. Жданов, характеризуя исторические особенности развития философской мысли, отмечает: «Своеобразие развития философии заключается в том, что от неё, по мере развития научных знаний о природе и обществе, отпочковывались одна за другой положительные науки. Следовательно, область философии непрерывно сокращалась за счёт развития положительных наук (замечу кстати, что этот процесс не закончен и до настоящего времени), и это освобождение естествознания и общественных наук из-под эгиды философии представляло из себя прогрессивный процесс как для естественных и общественных наук, так и для самой философии».

Особенно быстро происходил этот процесс отпочкования положительных наук от философии начиная с XVI века, от которого Энгельс датирует возникновение современного естествознания. Развитие производительных сил буржуазного общества выдвинуло настоятельную потребность эмпирического изучения отдельных явлений природы: механических, физических, химических, земной поверхности, ископаемых богатств, растительного и животного царства и т. д. Маркс отмечал, что если идеалистическая философия XVII века была ещё связана с естествознанием, о чём свидетельствуют, например, учения Декарта и Лейбница, то в XVIII—XIX веках естествознание окончательно порвало связь с идеалистической философией. Прогрессивный характер этого отделения конкретных наук от умозрительной, преимущественно идеалистической философии глубоко раскрыл Ленин: «...Пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея ещё исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже приём. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву

изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» (Соч. Т. I, стр. 126—127).

Нетрудно понять, что это историческое (не завершившееся и по сие время) размежевание между философией и положительными науками имело громадное значение и для самой философии, ибо оно подготавливало для неё огромное количество проверенных опытом, практикой данных, которые философия призвана подытожить и обобщить.

Следует отметить, что многие представители философских систем, предшествовавших марксизму, особенно представители идеалистической философии, были противниками самостоятельности и независимости положительных наук.

«Творцы философских систем прошлого, претендовавшие на познание абсолютной истины в конечной инстанции, не могли способствовать развитию естественных наук,— говорил тов. Жданов,— так как пеленали их в свои схемы, стремились стать над наукой, навязывали живому человеческому познанию выводы, диктовавшиеся не реальной жизнью, а потребностями системы. В этих условиях философия превращалась в музей, где были свалены в кучу самые разнообразные факты, выводы, гипотезы и просто фантазии. Если философия и могла служить для обозрения, для созерцания, то она была негодна как инструмент практического воздействия на мир, как инструмент познания мира».

Идеалистическая философия, особенно философия Гегеля, считала своей задачей создание системы абсолютного, всеисчерпывающего знания, которое должно было быть выведено не из опыта, а из принципов разума, из аксиом «чистого», то есть якобы независимого от опыта, мышления. Идеалистически толкуя мир как воплощение духа, она из мышления выводила законы мира, произвольно конструировала логику, с которой якобы должна сообразоваться действительность. Это стремление подменить собой положительные науки лишало философию положительного, научного содержания. Претензия же на создание системы абсолютного знания отделяла её от живого, развивающегося познания.

«Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением», — писал Энгельс («Анти-Дюринг», стр. 24. 1945).

Идеализм противопоставлял конкретным наукам о природе абстрактную, умозрительную философию природы, или натурфилософию. Изучению общества противопоставлялись философия истории, философия права и т. д.

Последней системой такого рода был абсолютный идеализм Гегеля, который, как указывает тов. Жданов, «пытался воздвигнуть философское здание, подминающее под себя все остальные науки, втискивая их в прокрустово ложе своих категорий, и, рассчитывая разрешить все противоречия, впал в безвыходное противоречие с диалектическим методом, им же самим угаданным, но не понятым и поэтому неверно применённым».

Естествоиспытатели отвернулись от такой философии, которая подменяла конкретное изучение природы логическим конструированием понятий.

Отделение естествознания от философии, ввиду господства идеализма, приобрело антагонистическую форму разрыва между ними. Философия без опоры на данные естествознания становилась бессодержательной, а естествоиспытатели, отказываясь не только от идеализма, но и от философии вообще, оказались без необходимого для них мировоззрения и метода, предохраняющего от ползучего эмпиризма и способствующего правильному теоретическому обобщению открываемых фактов. Игнорируя

и браня философию, эти учёные пришли к недооценке теоретического мышления вообще. Пропагандируя освобождение науки от философии, они становились «рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» (Ф. Энгельс «Диалектика природы», стр. 167). Между тем в XIX веке естествознание уже завершило период накопления, аккумуляции фактического материала, и наука уже не могла дольше обходиться метафизическим методом. Естествознание, как писал Энгельс, «превратилось из эмпирической науки в теоретическую», и научный диалектический метод стал «абсолютной необходимостью для естествознания».

Старый, домарксовский материализм не мог в этой области помочь естествоиспытателям, он был материализмом метафизическим, механистическим, созерцательным. Диалектика в той извращённой, идеалистической форме, которую придал ей Гегель, была совершенно неприменима к изучению природы. Необходим был коренной, революционный переворот в философии. Этот переворот был подготовлен историческим ходом общественного развития, отделением положительных наук от философии, развитием этих положительных наук, развитием самой философии. Но совершить революционный переворот в философии было невозможно для идеологов буржуазии. Диалектика в своём рациональном, научном виде противоречит интересам буржуазии, внушает ей, по словам Маркса, злобу и ужас в силу своего революционно-критического характера. Только с позиций нового, революционного класса — пролетариата — можно было покончить со старой, ненаучной философией, противопоставляющей себя наукам в качестве «науки наук»; только с этих позиций можно было создать философию нового типа — диалектический материализм, качественно отличающийся от всех предшествующих, в том числе и материалистических, учений. Этот великий научный подвиг и был совершён Марксом и Энгельсом.

Маркс и Энгельс, открывая новую эпоху развития научной философии, подчёркивали, что их учение вообще уже больше не философия в старом смысле этого слова, а «просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках».

Великий революционный переворот в философии, осуществлённый Марксом и Энгельсом, означал вместе с тем коренное изменение самого предмета философии.

Домарксовская философия была далека от научного понимания предмета философии.

Идеализм с самого начала своего существования отделял предмет философии от объективного мира, делал этим предметом духовное, оторванное от материального, некую сверхприродную духовную сущность, бога и т. д. Идеалистическая философия делала своим предметом не объективный мир, а свои фантастические спекуляции.

«Все идеалисты, как философские, так и религиозные, как старые, так и новые,— писали Маркс и Энгельс,— верят в наития, откровения, спасителей, чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта вера грубую, религиозную форму или же просвещённую, философскую...» (Соч. Т. IV, стр. 532).

Основоположники марксизма показали, прежде всего, реакционность, бесплодность и порочность того понимания предмета философии, которое утверждалось идеалистической философией. Маркс и Энгельс доказали, что нет принципиальной противоположности между предметом философии и тем, что изучают все остальные науки. Природа, общество, сознание одинаково являются предметом и философии и конкретных наук. Тем самым марксистская философия кладёт конец отрыву сознания, познающего мышления от объективного мира, который проповедывала и внедряла идеалистическая философия. Марксистский материализм кладёт

конец тому субъективному произволу, который внёс в философию идеализм, открывавший своим отрицанием объективного материального мира как предмета философии широкую дорогу для пустопорожних и вздорных вымыслов. Отвергая противопоставление философии как постижения некоего «абсолюта» отдельным наукам, марксистский материализм связывает неразрывной связью философию с положительным знанием, открывает ей путь бесконечного развития, опирающегося на рост всемогущего человеческого познания.

Марксистский философский материализм свободен и от тех недостатков в понимании предмета философии, которые были свойственны старому материализму и были связаны с его классовой ограниченностью. Домарксовский материализм был материализмом механистическим и метафизическим. Всё многообразие мира старые материалисты сводили к различным пространственным комбинациям неизменных, неделимых, тождественных по своей качественной структуре частиц. Применяя масштабы механики ко всем областям природы и к обществу, они ставили своей задачей истолкование всего материального мира при помощи законов механики. Их целью было создание всеохватывающей механистической картины мира. Эту цель старые материалисты и стремились осуществить в своих философских трудах. Диалектический материализм отвергает точку зрения механического сведения, он трактует мир так, как он есть в действительности,— как мир материи, бесконечно качественно разнообразной, находящейся в состоянии вечного движения и развития. Марксистский материализм не подменяет собой отдельных наук о природе и обществе. не ставит перед собой задачи создания всеохватывающих «систем природы». Энгельс указывал, что развитие наук о природе даёт возможность «обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных её областях, но также в общем и целом и ту, которая объединяет эти отдельные области. Таким образом, с помощью данных, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого» («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», стр. 35. 1945). В этих условиях, указывал Энгельс, нет места для философии, стоящей над другими науками.

Чем же в таком случае отличается философия от отдельных наук? Обладает ли философия специфическим, собственным предметом? На эти вопросы марксизм дал исчерпывающий ответ. Различные конкретные науки изучают разные конкретные формы движения материи. Но различные формы движения материи не существуют изолированно друг от друга, они связаны между собой, переходят друг в друга. Мир в целом, материальное единство мира — не абстракция, а объективная реальность. Этот мир в его материальном единстве, в его движении, изменении и развитии и является предметом марксистско-ленинской философии, которая тем самым отличается от отдельных научных дисциплин как цельное мировоззрение, обобщающее данные всех наук. Марксистско-ленинская философия — диалектический материализм — является наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления.

Законы материалистической диалектики действительны для материи в любой форме её существования; они не противостоят законам, изучаемым положительными науками, не действуют независимо от них. Законы диалектики представляют то общее, что объективно присуще различным законам природы и общества и что по-разному проявляется в различных областях объективного мира.

Изучение диалектических закономерностей природы и общества вооружает нас научным подходом, научным методом познания мира. Таков марксистский диалектический метод. Научный подход к явлениям приро-

ды и общества не может быть произвольным, субъективным. Для того, чтобы познать окружающие нас явления, мы должны к ним подходить не так, как нам заблагорассудится, а так, как сами явления того требуют, в соответствии с их объективной природой. Эту весьма важную особенность диалектического метода замечательно выразил товарищ Сталин:

«Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрестанном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в её движении и ставить вопрос: куда идёт жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность — рассматривать жизнь в её разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что созидается в жизни?» (Соч. Т. 1, стр. 298).

В то время как домарксовская философия, державшая под своей эгидой общественную теоретическую мысль, мешала выработке научных взглядов на историю, распространение диалектического материализма на познание общественных явлений привело к созданию исторического материализма — науки об общественном развитии. Создание исторического материализма было важнейшим выражением того всемирноисторического переворота в философии, который был совершён Марксом и Энгельсом. Старый материализм был материализмом лишь в понимании природы. Как только домарксовские материалисты переходили к изучению общественной жизни, они тотчас покидали почву материализма и превращали сознание людей, их идейные побудительные мотивы в главную и определяющую силу исторического процесса. Метафизически подходя к пониманию истории, перенося на общество законы механики, старый, домарксовский материализм не видел материальной, экономической основы общественной жизни и неизбежно приходил к идеалистическому пониманию истории, к игнорированию практической, трудовой, революционной деятельности народа.

Общественные теории, как и естествознание, долгое время развивались под эгидой идеалистической философии, подменявшей конкретное изучение фактической истории общества умозрительными рассуждениями о природе человека, об обществе вообще. После отделения естествознания от идеалистической философии социальные учения явились последним убежищем идеализма, из которого идеализм был изгнан лишь благодаря гениальному открытию Маркса и Энгельса. Хотя отдельные социальные дисциплины (история, политическая экономия, юриспруденция, статистика и др.) и отделились в некоторой мере от философии ещё до возникновения марксизма, они всё же вплоть до возникновения марксизма оставались целиком в плену идеалистической философии истории.

Характеризуя домарксовские учения об обществе, Ленин писал, что «все эти философско-исторические теории и возникали, и лопались как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперёд п о н и м а н и я человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперёд, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал н а у ч н ы й анализ о д н о г о общества и о д н о г о прогресса — капиталистического» (Соч. Т. I, стр. 127—128).

Два основных порока присущи, как указал Ленин, всем домарксистским учениям об обществе. Во-первых, эти учения в лучшем случае лишь констатировали идейные, психические побудительные мотивы деятельности людей, не видя лежащей в их основе материальной причины; во-вторых, эти учения не видели решающей, определяющей роли народных масс во всемирной истории. Эти пороки отражали классовую

ограниченность домарксовской социологии, игнорировавшей значение материального производства — этого главного условия жизни общества.

«Всё прежнее понимание истории, — писали Маркс и Энгельс, — или совершенно игнорировало эту реальную основу истории, или же видело в ней нечто побочное, совершенно не связанное с историческим процессом. Поэтому историю приходилось всегда писать, руководствуясь каким-то лежащим вне её масштабом; действительное производство жизни представляется чем-то доисторическим, а историческое — чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над ним. Таким образом из истории исключается отношение людей к природе и тем самым создаётся противоположность между природой и историей. Эта концепция могла поэтому видеть в истории только выдающиеся государственно-политические выступления и религиозную, вообще теоретическую, борьбу и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи вынуждена была разделять иллюзии этой эпохи» (Соч. Т. IV, стр. 29).

Маркс и Энгельс превратили социологию в науку. Они отбросили абстрактные, априорные теории общественного процесса и построили науку об обществе на прочном фундаменте материалистически и диалектически изучаемой фактической истории. Марксизм, говорит Ленин, «не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идёт дальше». Маркс и Энгельс достроили материализм доверху, распространив его на понимание общественных явлений.

Исторический материализм изучает общие законы общественного развития, проявляющиеся на каждой ступени развития общества в качестве особых исторических закономерностей. Таким образом, не голые и бессодержательные абстракции «общества вообще», как это было в старой, донаучной социологии, а общество на определённой ступени своего исторического развития, конкретные общественно-экономические формации являются предметом исторического материализма. Давая материалистическое истолкование общественной жизни, вскрывая объективную диалектику исторического процесса, вооружая нас материалистическим методом понимания общественной жизни, исторический материализм является учением об обществе, впервые возведённым на степень науки, наукой об истории.

Товарищ Сталин в своём гениальном произведении «О диалектическом и историческом материализме» показывает, какой величайший революционный переворот в понимании истории производит созданный Марксом и Энгельсом исторический материализм. Исторический материализм рассматривает историю как историю способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков; как историю самих трудящихся масс, производителей материальных благ. Исторический материализм даёт ключ к пониманию истории, раскрывает законы развития общества, теоретически обосновывает практическую деятельность партии пролетариата, вооружая её могучим средством коммунистического преобразования общества.

«Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку.

Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 109).

Только марксистская философия довела проходящую через всю историю философии борьбу материализма и идеализма до полной и беспо-

воротной победы научного материалистического мировоззрения, только марксистская философия низвела философию истории с неба на землю, открыла единственно правильное, материалистическое понимание истории.

* * *

Характернейшую черту марксистско-ленинской философии составляет неразрывная связь революционной теории с революционной практикой. Теоретически обобщая практику рабочего движения, освещая теорией освободительную борьбу пролетариата, претворяя в жизнь великие идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, марксизм воплощает в себе высшее единство теории и практики, являясь, по выражению товарища Сталина, путеводной звездой партии пролетариата. Ленин подчёркивал, что единство теории и революционной практики осуществляется в марксизме «в самой теории внутренне и неразрывно». Марксистская теория прямо и непосредственно служит практическому революционному делу и усматривает один из основных пороков всей прежней философии в том, что она видела в решении коренных вопросов общественной жизни «только теоретическую задачу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 628).

В то время как социалисты-утописты выдумывали, изобретали решение социальных задач, искали ответа на великие социальные вопросы в абстрактных идеях и принципах, марксизм поставил вопрос о социализме на реальную историческую почву, связал социализм с революционной борьбой пролетариата и, таким образом, превратил социализм из утопии в науку.

Марксизм видит в соединении теории с практикой могучее средство прояснения сознания масс пониманием целей борьбы и путей к их достижению. Опыт большевистской партии по внесению социалистической идеологии в пролетарские массы свидетельствует о том, что соединение социализма с рабочим движением означает подъём рабочего движения до уровня сознательной и организованной политической борьбы. Без такого соединения революционной теории с практикой, с революционной политикой, марксизм, как указывал Ленин, «становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство» (Соч. Т. 12, стр. 86—87. 4-е изд.).

Оппортунистический отрыв теории Маркса от практики классовой борьбы означает выхолащивание революционного содержания марксизма, превращение марксизма в чуждый и враждебный материалистической диалектике «догматический» марксизм. Учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина органически враждебно всякому догматизму, доктринёрству, отрывающему теорию от революционной практики. Оно «выше всего ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно творит мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто её творит...» (Ленин. Соч. Т. 12, стр. 90).

Маркс и Энгельс неустанно подчёркивали, что их учение является не догмой, а руководством к действию. В этом плане они противопоставляли своё учение всем прошлым, в том числе и прогрессивным, учениям, носившим догматический характер. Создатели философских систем прошлого выдавали свои учения за абсолютно законченное, неизменное знание, с которым должна послушно сообразоваться прак-

тическая деятельность людей. Они создавали «всеобъемлющие» логические схемы, извращая данные науки в угоду принятой схеме, игнорируя данные практики.

Характеризуя действенный, творческий дух марксизма, Ленин писал:

«...Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще марксизму всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией...

Прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определённой системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, её содержание, ход и условия развития» (Соч. Т. I, стр. 308).

Глубоко постигнув процесс общественно-экономического развития, марксистская философия высоко оценила значение практической, массовой, революционной деятельности людей; положив её в основу своего понимания истории, она обогатила материализм учением о тактике пролетарской классовой борьбы. Как подчёркивал Ленин, «без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным» (Соч. Т. XVIII, стр. 28).

Ленин и Сталин в своих произведениях дали беспощадную критику либерального извращения марксизма. Ленин указывал, что «легальные марксисты» уродуют, извращают марксизм, который «в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает своё диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в своё отрицание и затем обобществляется». При этом, как подчёркивал Ленин, игнорируется главная цель марксистского исследования — «вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их».

Эта черта «легальных марксистов» была целиком и полностью воспринята меньшевиками и особенно проявилась, например, в оценке революции 1905 года, когда меньшевики, исходя из исторических аналогий, игнорируя классовое содержание происходившей на их глазах революции, утверждали, что именно либеральная буржуазия, а не пролетариат является вождём этой революции, и тем самым обрекали рабочий класс на роль придатка к буржуазии.

Товарищ Сталин неоднократно указывал, что оппортунисты, ревизионисты марксизма игнорируют действенную сторону марксистской философии. Так, разоблачая «теорию производительных сил» К. Каутского, товарищ Сталин отмечал, что Каутский, оправдывая предательскую роль социал-демократии, сваливал всю вину на производительные силы, которые якобы не допускали проведения иной, революционной политики. «Маркс говорил, что материалистическая теория не может ограничиваться объяснением мира, что она должна ещё изменить его. Но Каутскому и К° нет дела до этого, они предпочитают остаться при первой части формулы Маркса» («Вопросы ленинизма», стр. 16. 11-е изд.).

Ленин и Сталин, развивая и обогащая марксизм, всегда применяют его как живое, творческое учение. Характеризуя основные особенности творческого марксизма, товарищ Сталин подчёркивал, что он опирается «не на цитаты и изречения, а на практический опыт», что он «переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его прове-

дение, на его претворение в жизнь». Товарищ Сталин указывал, что марксисты «не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны итти дальше с тем, чтобы изменить его» (Соч. Т. 4, стр. 306).

Марксистско-ленинская наука — учение, прогрессивно развивающееся на основе принципов, которые были выдвинуты сто лет назад, но сохраняют своё непреходящее значение. Эти принципы почерпнуты не из абстрактного, оторванного от жизни философского умозрения, а из самой жизни. Способность к развитию и обогащению — признак глубочайшей жизненности марксистско-ленинской теории.

Марксизм-ленинизм — единственная теория, которая способна обобщать современность, научно предвидеть будущее и, таким образом, освещать партии и рабочему классу путь борьбы за победу коммунизма.

Характерный для буржуазной философии уход от современности, прикрывавшийся фальшивыми рассуждениями насчёт того, что «чистая» наука должна быть выше треволнений житейской борьбы, означает на деле страх перед трезвым, научным анализом капиталистической действительности.

Буржуазная социология особенно наглядно демонстрирует свой отчаянный страх перед трезвым и объективным анализом современности и занимается разработкой всякого рода реакционных иллюзий и утопических планов, предназначенных для обмана народных масс. Характерна в этом смысле статья американского социолога Куина «Могут ли социологи смотреть в лицо реальности?». На этот вопрос Куин отвечает отрицательно и, заявляя, что истина не по плечу «современному человеку», то есть буржуа, призывает к дальнейшей разработке иллюзий, необходимых буржуазии для затемнения сознания трудящихся.

В противоположность философии и социологии эксплоататорских классов марксизм теоретически, научно раскрывает движущие силы и исторический смысл происходящих событий. Эта особенность учения Маркса ярко сказалась уже в первые годы существования марксизма. В сложнейших условиях классовой борьбы в период революции 1848 года Маркс и Энгельс в статьях, помещённых в «Новой Рейнской газете», научно обобщали опыт революционной борьбы пролетариата, разрабатывали теорию социалистической революции, формулировали задачи рабочего класса в строгом соответствии с историческим революционным процессом, живыми и активными участниками которого они были. В произведениях «Революция и контрреволюция в Германии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанных вскоре после революции, буквально по свежим следам, был теоретически обобщён громадный исторический опыт классовой борьбы, послуживший основой для дальнейшей разработки марксизма.

Только марксизм даёт эту замечательную возможность теоретического обобщения происходящих на наших глазах событий. Понятны те серьёзные требования в области изучения и обобщения советской действительности, которые предъявляют большевистская партия, товарищ Сталин к работникам теоретического фронта в нашей стране.

Партия требует от работников теоретического фронта научного обобщения опыта социалистического строительства, борьбы прогрессивных сил с силами реакции на международной арене, обобщения достижений науки о природе. Только на этом пути возможно дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории.

«В нашей стране, — говорит тов. Жданов, — идёт мощный расцвет социалистического хозяйства и культуры. Неуклонный рост социалистического сознания масс предъявляет всё больше и больше требований к нашей идеологической работе. Идёт развёрнутое наступление на пере-

житки капитализма в сознании людей. Кому, как не нашим философам, возглавить ряды работников идеологического фронта, применить в полной мере марксистскую теорию познания при обобщении огромного опыта социалистического строительства и при решении новых задач социализма!»

Прямая, открытая, воинствующая партийность является важнейшей качественной особенностью марксистско-ленинской науки, одним из важнейших источников её непобедимого идейного влияния. Беспартийность, указывал Ленин, является буржуазной идеей, партийность — идея социалистическая. Буржуазия скрывает партийный характер своей философии, ибо эта философия защищает интересы ничтожного меньшинства человечества в ущерб громадному большинству. Пролетариат прямо заявляет о партийности своей философии, защищающей интересы всех трудящихся. Буржуазная беспартийность, выдающая себя за «объективизм», ничего общего не имеет с подлинно объективным, научным подходом к жизни, ибо истина не в интересах буржуазии. Пролетарская партийность означает объективный, научный подход к жизни, ибо истина в интересах пролетариата. Ленин писал, что «надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем, чтобы партийность была не словом только, а делом» (Соч. Т. 16, стр. 47. 4-е изд.).

Вся жизнь Ленина и Сталина является величайшим образцом непримиримой пролетарской партийности в теории и на практике. «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной», — говорил товарищ Сталин. Марксистско-ленинская партийность, пронизывающая всю теоретическую и практическую деятельность великих вождей рабочего класса, требует непримиримой, беспощадной борьбы с буржуазной идеологией.

Тов. Жданов, отмечая в своём выступлении на философской дискуссии недостаток боевой, большевистской партийности среди наших философов, говорил:

«Кому же, как не нам — стране победившего марксизма и её философам, — возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!»

В условиях социализма общественная жизнь строится в соответствии с научно познанными законами развития общества. В период, предшествующий социализму, стихийные силы общественного развития господствовали над людьми, общественные отношения производства порабощали трудящихся, продукт труда господствовал над производителем. Люди не знали и не могли знать законов общественного развития.

Только социализм даёт возможность сознательно руководить ходом общественного развития.

«В советской экономике, — говорит тов. Вознесенский, — источником движения и развития народного хозяйства является планирующее социалистическое государство. Оно заменило слепые противоречия и силы движения, оно разрешает и ликвидирует противоречия, возникающие в процессе развития советской экономики между растущими потребностями социалистического общества и достигнутым уровнем производства» («Военная экономика СССР в период Отечественной войны», стр. 150. 1947).

Советское государство, руководящей силой которого является большевистская партия, вооружено самой передовой, единственно научной теорией общественного развития, теорией, которая ныне претворяется в жизнь, осуществляя вековые чаяния трудящихся масс. Марксистско-ленинская теория — единственная теория, которая выдержала экзамен

целого столетия общественного и научного развития, — подтверждена всем его опытом и выявила свою великую, неодолимую силу.

История марксистско-ленинской философии есть история возникновения, развития и победы великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, победы, завоёвываемой в борьбе против буржуазной идеологии во всех её разновидностях. Принципы марксистской философии, конкретизированные в политике нашей партии, стали руководящими принципами в деятельности десятков миллионов советских людей, творящих новую жизнь. Движение колоссальных народных масс, перестраивающих свою жизнь по плану, на основе познанных законов действительности, открытых марксистской философией, даёт невиданный материал для обобщения, способствует могучему расцвету марксистско-ленинской философии — великого оружия духовного и материального освобождения человечества.

Изучение марксистско-ленинской философии, её истории является замечательнейшей школой коммунистического воспитания и образования, школой большевистской партийности, развивающей в человеке новые, выдающиеся качества ума и характера. Учение Маркса и Энгельса, развитое и обогащённое Лениным и Сталиным, представляет вершину умственного развития человечества, вершину, откуда отчётливо видна не только прошедшая человеческая история, но и сияющее будущее, которое принадлежит коммунизму.

Турция в тисках империалистической реакции

Г. Акопян

Внешняя и внутренняя политика нынешних правителей Турции ведёт ко всё большему подчинению страны американскому империализму, его экспансионистским планам.

Турция, как известно, не участвуя в войне с фашистскими агрессорами, «немало помогала Германии в войне против союзников и нажилась на этом» (В. Молотов). Оказывая помощь фашистской Германии, турецкая реакция возлагала надежды на победу германского империализма и рассчитывала при удобном случае поживиться за счёт СССР. На сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1947 году руководитель советской делегации А. Я. Вышинский говорил об алчных аппетитах Турции, которая «держала свой так называемый нейтралитет, выгодно торгуя с Германией и выжидая того момента, когда она сможет и свою долю отхватить от льва в случае удачи». Крах немецких планов явился и крахом надежд турецких милитаристов. И после разгрома германского фашизма Турция не стала в ряды миролюбивых государств, не демобилизовала свою миллионную армию и начала искать поддержку в своей реакционной политике у империалистов США и Англии. Чтобы оправдать свою антинародную внутреннюю и внешнюю политику, турецкие реакционеры выдумали миф о «советской опасности» и, прикрываясь этой ширмой, пытаются усыпить бдительность турецкого народа, примирить его с кабальными условиями и последствиями американской «помощи».

Прошло уже больше года с тех пор, как президент США Трумэн в своём послании конгрессу потребовал оказать неотложную «помощь» Турции. За это время полностью раскрылись истинные мотивы и цели американской «помощи». Рассеялся и туман, которым был окутан «план Маршалла», обещавший туркам горы благ. Теперь ясно каждому, что предоставленная на определённых политических условиях «помощь» привела к закабалению Турции американским капиталом. Политика милитаризации Турции вызывает ещё большее расстройство её хозяйства. Средства, отпускаемые ей США, целиком идут на военные нужды, на «модернизацию» турецкой армии, как и было определено в послании Трумэна конгрессу, а отнюдь не на ликвидацию экономической разрухи. Турция теперь несёт совершенно непосильные, разоряющие её население военные расходы.

Заключённое в Анкаре 12 июля 1947 года соглашение между США и Турцией «уточнило» условия и характер американской «помощи», определило пути контроля над выполнением «плана». Новые обещания Трумэна и Маршалла о дополнительной военной «помощи» Турции вполне отвечают той политике безудержной экспансии, которая открыто провозглашена в «доктрине Трумэна». Американские монополии интенсивно проникают в турецкую экономику, превращая Турцию в колониальный придаток США.

Американская «помощь» привела к бурному росту милитаризма в Турции, к гонке вооружения, к активизации фашистских, пантюркист-

ских поджигателей войны, к разгулу реакции и усилению борьбы против демократических элементов. Турецкая реакционная пресса перешла все границы в разжигании шовинистического психоза.

В речи на пленуме Генеральной ассамблеи ООН А. Я. Вышинский в числе стран, где «настойчиво проповедуют неизбежность и даже необходимость новой войны», назвал и Турцию. Тов. Вышинский особо подчеркнул, что турецкая реакция, окрылённая американскими милитаристами, специализируется на пропаганде и подготовке войны. Он указал на «факты совершенно безудержной и выходящей за всякие пределы допустимого клеветнической и провокационной кампании по поджигательству войны против Советского Союза, которая ведётся уже в течение длительного времени в Турции».

* * *

В истории Турции это не первый случай, когда империалистические государства выступают в роли её «благодетелей». Экономически отсталая и слабая, Турция долгое время была объектом экспансии западноевропейских держав, которые путём финансовой, экономической и технической «помощи» подчиняли её своему неограниченному контролю и превращали в свой аграрный придаток. В своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин относил Турцию к полуколониям, ибо она была в числе зависимых от империалистов стран, «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» (Соч. Т. XIX, стр. 139).

Турцию в течение длительного периода давил навязанный ей режим капитуляции и финансового контроля. Этот режим лишил её суверенитета и независимости, превратив в вотчину иностранных миссий и советников. «Благодетели» Турции — сначала англичане и французы, а потом и немцы — всегда использовали финансовую и экономическую «помощь» как орудие закабаления страны и превращения её в своего вассала.

Внешние долги в последней четверти XIX века были настолько велики, что Оттоманская империя даже не могла уплатить проценты по ним и объявила себя банкротом. Тогда «благодетели» Турции установили полный финансовый контроль в стране и в 1881 году создали так называемую «Администрацию оттоманского государственного долга», которая была полновластным хозяином в стране — «государством в государстве».

Накануне первой мировой войны особое покровительство Турции оказывала кайзеровская Германия, которая послала специальную военную миссию генерала Лимана фон Сандерса для «реорганизации» турецкой армии (тогда слово «модернизация» ещё не было в моде). Эта военная миссия подчинила себе генеральный штаб Турции, а немецкие офицеры хозяйничали в её армиях и соединениях. В 1914 году Германия предоставила Турции военный заём, заключила с ней тайный союз, направленный против России, и вовлекла её в гибельную для неё войну.

От унизительного положения полуколонии и хозяйничания иностранных империалистов Турция избавилась после первой мировой войны благодаря успехам национально-освободительного движения. Национально-освободительная борьба турецкого народа развивалась под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Молодая Советская республика оказала существенную поддержку освободительной борьбе турецкого народа против интервентов. Турецкий народ одержал победу с помощью Советской России.

Советская Россия и после победы кемалистов оказывала Турции большую помощь. Однако ход событий показал, что турецкая правящая клика не захотела продолжать политику дружбы с Советским Союзом, и в результате этого Турция вновь оказалась во власти империалистических хищников. Она вновь стала орудием провокационных планов то в руках английских империалистов, то в руках фашистской Германии. Теперь же правящие круги Турции сделали страну игрушкой в руках американского империализма.

* * *

Нынешние правители Турции ничему не научились у истории. Правящая народно-республиканская партия (НРП), основанная Ататюрком в 1923 году, быстро отказалась от всего, что было связано с освободительным движением, и пошла на сговор с реакцией как внутри, так и вне страны. Будучи по своему составу и характеру буржуазно-помещичьей партией, она заключила союз с реакцией, повела борьбу против революционного движения, против интересов рабочих и крестьян.

Кемалистская революция не была доведена до конца. Её характерной чертой, как определил товарищ Сталин в 1927 году, был тот факт, что «она застряла на «первом шаге», на первом этапе своего развития, на этапе буржуазно-освободительного движения, не пытаясь даже перейти во второй этап своего развития, в этап аграрной революции» («Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 228. 1939). В беседе со студентами университета имени Сун Ят-сена товарищ Сталин указывал: «Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своём дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции». Товарищ Сталин ещё тогда отметил, что борьба с империализмом в Турции кончилась «куцой антиимпериалистической революцией со стороны кемалистов» («Об оппозиции», стр. 573—574).

После смерти Ататюрка (в 1938 году) правящая народно-республиканская партия окончательно стала средоточием реакции и усилила борьбу против демократических элементов. В решении конференции измирской районной организации демократической партии (второй легальной партии в Турции) 16 декабря 1947 года указывается: «После смерти Ататюрка народно-республиканская партия пошла на сговор с его наиболее ярыми врагами и превратила этот сговор и обман в опору своей власти». Существующий в Турции режим является не чем иным, как кровавой диктатурой фашистского меньшинства над народом.

«Турецкое государство является республиканским, национальным, народным, этатистским, светским и революционным» — эти шесть принципов были краеугольным камнем турецкой конституции и программы народно-республиканской партии. Однако от первоначального понимания этих принципов сейчас ничего не осталось.

Вместо «республиканского» строя в стране теперь господствует режим диктатуры и террора. Вместо демократизма — тоталитаризм. Вместо этатизма, означавшего помощь отечественной промышленности, теперь под напором американцев восстанавливаются прежние привилегии для иностранного капитала. Вместо светского образования (лаицизм) в турецких школах вновь введено религиозное воспитание. О «революционности» нечего и говорить: господствующая реакция загнала революционные элементы в подполье и жестоко преследует их.

Принцип «национализма» превратился в систему оголтелой, пантюркистской пропаганды, травли соседних стран и народов. Пантюр-

кистские, фашистские бредни о «превосходстве турецкой нации» над другими нашли отражение в программе народно-республиканской партии, где прямо сказано: «Турецкая нация выше других наций. Она обладает рядом особых качеств, переходящих по наследству». Открыто шовинистический, расистский характер этих сентенций не нуждается в комментариях.

В соответствии с этими «установками» в Турции отрицается наличие других народностей. 88-я статья турецкой конституции гласит: все граждане «без различия религии и народности считаются турками». Оказывается, нет в Турции, по этому определению, ни курдов, ни армян, ни греков, ни грузин, ни лазов, ни айсоров. Представителям национальных меньшинств запрещено говорить в правительственных учреждениях на своём родном языке. В стране около двух миллионов курдов, и они лишены возможности иметь свои национальные школы, свои культурные очаги. В турецком парламенте нет ни одного представителя национальных меньшинств. Политика зверского истребления армян в турецкой Армении, отуречивания грузин, лазов, курдов и др. хорошо известна всему миру. Накануне второй мировой войны карательные экспедиции в Турции уничтожили более 70 тысяч курдов за то, что они пытались отстаивать свои элементарные права.

В течение двадцати пяти лет правящая народно-республиканская партия в своей программе утверждала, что турецкое общество якобы делится «лишь на различные профессии в смысле разделения труда», а классов рабочих, крестьян, буржуазии и помещиков в стране нет. Согласно той же программе, «турецкий народ — единый народ... Всякая классовая борьба чужда духу турецкого народа... Классовая борьба — антинациональное явление, с которым необходимо решительно бороться».

Турецким рабочим и крестьянам воспрещено иметь свои классовые организации, профессиональные союзы, свои политические партии. Разумеется, на буржуазию и помещиков этот запрет не распространяется.

Народно-республиканская партия путём фальсификации и террора провела в 1946 году 395 своих членов в депутаты меджлиса и безраздельно правит страной. Все предвыборные обещания ввести демократические методы правления оказались, как и следовало ожидать, демагогией. Такого произвола, как теперь, по заявлению оппозиционных газет, не было «даже при самых деспотических режимах». Газета «Ени Тюркие» писала, что правительство стремится «держать турецкую мысль в неволе». Газета «Герчек» указывала, что «в стране создаётся фашистский режим, воля и свобода народа растоптаны».

Антисоветский курс во внешней политике, антинародный, антидемократический курс внутри страны — такова линия правящей партии. Свои военные приготовления турецкая реакция прикрывает дымовой завесой «славянской опасности», хотя известно, что Турции никто не угрожает, кроме американских империалистов, методически превращающих её в свою колонию. Антидемократические порядки в стране правящие круги мотивируют «опасностью коммунизма». В Турции всех, кто недоволен, объявляют коммунистами. В коммунизме или в связях с коммунистами обвиняется всякий, кто осмелится выступить против реакционной внешней и внутренней политики, проводимой в угоду монополиям США.

Стремясь угодить американцам, правящая клика объявила в начале 1947 года о раскрытии «коммунистического заговора». Тогдашний министр внутренних дел Секменсюэр утверждал, что он не только разоблачил участников заговора, но и обнаружил нити связи между коммунистами и другими политическими деятелями. Цель этого лживого заявления ясна: нужно было показать американцам, что в Турции «умеют» бороться с коммунистами.

Недавно в Турции был объявлен новый поход против коммунизма. Действуя по американскому шаблону, съезд народно-республиканской партии (ноябрь—декабрь 1947 года) решил создать «комиссию для борьбы с коммунистическими элементами в государственных учреждениях». Так дан был сигнал к развёртыванию кампании против коммунистов и других демократических элементов.

В качестве застрельщиков нового антикоммунистического похода на этот раз была использована реакционная часть студенчества Стамбульского и Анкарского университетов. В конце 1947 года фашиствующие студенты ворвались к ректору Анкарского университета, потребовали от него отставки прогрессивных профессоров, сломали столы и стулья и учинили полный разгром в его кабинете. После этого они разгромили помещение «Общества турецкой молодёжи», уничтожили там ценные книги. Недалеко от памятника Ататюрку демонстранты нарисовали мелом две фашистские свастики — символ веры турецкой реакции. В Стамбульском и Анкарском университетах свободно проповедуются всякого рода расистские, пантюркистские, открыто фашистские «теории». Среди преподавателей — десятки немецких нацистов.

В Турции есть вторая легальная партия, именующая себя демократической, но она и по своему составу и по характеру почти ничем не отличается от народно-республиканской партии и также является буржуазно-помещичьей партией. Она была создана в начале 1946 года под демагогическими, мнимо демократическими лозунгами. В её ряды вошли многие выходцы из НРП, во главе её стоит бывший премьер-министр, крупный банкир Джелал Баяр. В меджлисе она представлена 66 депутатами. Демократическая партия, как и народно-республиканская, является сторонницей американского закабаления Турции и лишь по второстепенным вопросам внутренней политики келейно критикует политику НРП.

До лета 1947 года между правящей народно-республиканской партией и демократической партией шла напряжённая борьба за власть, принимавшая порою острые формы. По заявлению президента республики Исмета Инёню, «бывали... времена, когда возникало сомнение, существует ли в стране правительство или нет».

Но теперь, повидимому, верхи обеих партий сговорились. Этому сговору активно содействуют американцы, которые открыто вмешиваются не только в военную и хозяйственную жизнь Турции, но и в политическое устройство страны. Так, недавно группа сенаторов США посетила Турцию и дала туркам ряд политических «советов». При этом возглавлявший делегацию сенатор Смит указал на желательность введения в Турции «двухпартийной системы» по образу и подобию США. Американцы заигрывают и с той и с другой партией, всячески стараясь, чтобы их господство в стране приветствовалось обеими легальными партиями.

Вначале, когда демократическая партия выступала с критикой антидемократических порядков и требовала осуществления принципов Ататюрка, ряды её росли. Но она вскоре показала своё истинное лицо и быстро начала терять сторонников. 29 января 1948 года газета «Гевезе» указывала, что широкие массы не нашли в ней того, чего они ожидали. «Если демократическая партия, — писала газета, — будет служить горстке лиц, попирая интересы народа и подрывая веру у крестьянства, то она окажется в таком же плачевном положении, как народно-республиканская партия, и сразу распадётся». Как сообщают турецкие газеты, демократическая партия уже переживает период распада и разложения. Идёт усиленная грызня между её вожаками. Печать сообщает о серьёзных разногласиях между руководством и парламентской фракцией.

10 марта этого года ЦК демократической партии исключил 5 депутатов меджлиса. Это привело к расколу ЦК, из его состава вышли в знак протеста 6 видных членов. В вилайетах Афьон-Карахисар, Мараш, Самсун возникла сильная оппозиция. Афьонкарахисарская организация осудила действия ЦК и потребовала созыва съезда демократической партии. Исключённые обвиняют руководящую верхушку в предательстве. Демократическая партия, по их мнению, теперь стала «НРП № 2».

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщил, что, возможно, исключённые и ушедшие из демократической партии создадут третью легальную политическую партию в Турции, как в своё время выходцы из НРП создали демократическую партию.

Раскол демократической партии — один из признаков обострения политического кризиса в Турции. Он проявляется то в острой борьбе в составе руководящей верхушки самой правящей НРП, то в обострении взаимоотношений между НРП и демократической партией, а теперь — в расколе демократической партии.

В 1946 году в Турции были созданы две прогрессивные партии, но они были разогнаны в декабре того же года, их газеты закрыты, а лидеры арестованы. По сообщению турецкой оппозиционной прессы, 150 тысяч человек в Турции томятся в тюрьмах за то, что они осмелились поднять голос протеста против политики нынешних, реакционных правителей. В марте этого года был начат процесс 96 руководителей профсоюзов и социалистической партии, арестованных в декабре 1946 года. Террором, расправой с прогрессивными деятелями страны турецкая реакция пытается держать в повиновении широкие массы.

Чтобы удержаться у власти и закрепить свою пошатнувшуюся диктатуру, народно-республиканская партия старается найти общий язык с правыми лидерами демократической партии и, раболепствуя перед американцами, ищет себе опоры и «помощи» у англо-американского империализма. Правящие круги Турции пожертвовали независимостью и суверенитетом турецкого народа, широко раскрыли двери страны перед американскими монополиями и подчинили свою внешнюю и внутреннюю политику планам американского империализма.

* * *

Обе легальные буржуазно-помещичьи партии — и правящая народно-республиканская и демократическая — стали верными помощниками американского империализма в осуществлении его планов в Турции. 2 тысячи семей крупных капиталистов, помещиков, компрадоров и спекулянтов, крепко держащих в своих руках власть над турецким народом, явились надёжной опорой американского империализма в Турции.

Американцы начали закабаление Турции испытанными в прошлом методами: и военный заём в 100 миллионов долларов, и экономическая и техническая «помощь», и лицемерная забота «о безопасности и целостности турецких границ», и миф о «славянской опасности» — всё было пущено в ход, чтобы обмануть бдительность турецкого народа. Всё, что делается ныне американцами, как две капли воды, похоже на то, что раньше делали в Турции французские и английские, а потом немецкие империалисты.

Ассигнованные конгрессом США 100 миллионов долларов на «модернизацию» турецкой армии полностью идут на военные цели, на приобретение самолётов, танков, артиллерии, грузовиков, оборудования для связи, машин для строительства дорог. Эти поставки уже начали усиленным темпом поступать в Турцию и закончатся летом текущего года. Предоставленные кредиты расходуются следующим образом: на сухо-

путные силы — 48,5 миллиона долларов, на военно-морские силы — 14,75 миллиона, на военно-воздушные силы — 26,75 миллиона, на улучшение арсеналов — 5 миллионов, на строительство шоссейных магистралей — 5 миллионов долларов.

В своём квартальном отчёте конгрессу 18 февраля этого года Трумэн заявил, что намерен обратиться к конгрессу с просьбой ассигновать дополнительные средства для «помощи» Турции. Сенат уже одобрил законопроект о дополнительных ассигнованиях в сумме 275 миллионов долларов для оказания «помощи» Греции и Турции. Всё это говорит о том, что американский империализм подготовляет новую акцию вмешательства в дела Турции.

Американские «благодетели» навязали Турции такую программу милитаризации, что она, помимо полученных от США средств, вынуждена тратить огромные суммы из государственного бюджета на те же военные цели. По сообщению агентства Юнайтед пресс, военные расходы Турции в 1948 году достигнут рекордной цифры. Свыше двух третей бюджета, составленного с огромным дефицитом, приходится на расходы военного ведомства.

Если в 1947 году бюджет был сведён с дефицитом в 115 миллионов лир, то в 1948 году бюджетный дефицит должен составить около 130 миллионов лир. По сообщению английской печати, военный бюджет Турции с 89 900 тысяч лир в 1939 году вырос до 400 миллионов в 1943 году и 500 миллионов лир в 1945 году. А в 1946 и 1947 годах расходы на военные цели далеко превысили и эту сумму.

Соответственно растёт и задолженность Турции. В конце 1946 года эта задолженность равнялась сумме в 1653 миллиона лир, из которых 600 миллионов — по иностранным займам. Теперь задолженность Турции достигает 2 миллиардов лир, то есть более чем в полтора раза превышает доходы государственного бюджета.

В своё время Ататюрк резко критиковал прежнюю политику султанской Турции, широко прибегавшей к пагубным для страны иностранным займам. Ататюрк выступал против этой формы иностранной кабалы и говорил: «Мы не имеем никакого права вновь ввергать турецкий народ в кабалу, против которой он боролся. Мы не можем обременять будущее поколение займами».

Но нынешние правители Турции забыли об этих советах. С 1939 по 1947 год Турция уже истратила свыше 3 миллиардов лир на содержание миллионной армии, и это легло тяжёлым бременем на плечи турецкого народа. Теперь, подчинив свою политику интересам американского империализма, экономически слабая и небольшая Турция создаёт большую военную машину, производит огромные военные расходы, которые не под силу её экономике и грозят ей катастрофой.

Правители Турции возлагали большие надежды на «план Маршалла», предвкушая получение кредитов в сумме 615 миллионов долларов. Они и планировали бюджет Турции на 1948—1951 годы с дефицитом в 615 миллионов долларов. Однако, как выяснилось, правительство США отказало Турции в кредитах по «плану Маршалла» и предложило ей приобрести необходимые материалы за наличный расчёт или взять заём в Международном банке реконструкции и развития. Так «план Маршалла» «превратился в мираж и вызвал общее огорчение» в Анкаре, как писала газета «Сон поста» 31 января этого года.

6 февраля в газете «Истанбул» был опубликован раздел о Турции из «Доклада государственного департамента США о программе восстановления Европы». По «плану Маршалла», Турции отводится роль поставщика сельскохозяйственных продуктов для Европы. Турция должна экспортировать зерно, мясо, растительное масло и другие про-

дукты, а также значительное количество угля. Авторы доклада считают, что Турция будет в состоянии финансировать приобретение оборудования для сельского хозяйства и угольных шахт из «собственных ресурсов». Эти выводы повергли турецких правителей в уныние.

По сообщению министра финансов, за последние годы Турция имела пассивный торговый баланс. В ноябре 1947 года Турция закупила за границей товаров на 74 миллиона лир, а продала товаров всего на 39 миллионов лир. Золотой запас, увеличившийся за годы войны, теперь резко сократился. С 252 миллионов долларов в начале 1946 года он снизился до 145 миллионов долларов в 1947 году.

Министр иностранных дел Садак в своём заявлении меджлису пытался за туманными фразами скрыть смысл того торга, который ведётся между Вашингтоном и Анкарой. Часть турецких газет сообщает о растущем недовольстве политикой правящих кругов и их американских хозяев. Даже реакционная газета «Джумхуриет» 26 января писала: «Нельзя облегчить положение народа, испытывающего экономические трудности, предоставлением ему 15 военных кораблей, нескольких сот танков, орудий и самолётов. Это напоминает несколько вспрыскиваний кальция слабому организму».

«Джумхуриет» невдомёк, что американцы именно хотят видеть в Турции «слабый организм», как раньше западноевропейские державы видели в Оттоманской империи «больного человека», что империалисты отнюдь не заинтересованы в оздоровлении турецкой экономики. США, оказывая Турции «помощь», меньше всего озабочены укреплением турецкой экономики, о чём свидетельствует самый характер этой помощи.

В связи с шумихой в турецкой печати по поводу «плана Маршалла» и высказыванием пожеланий о том, чтобы «помощь» носила «более экономический характер», американские представители в Турции уже сделали туркам соответствующее внушение. Так, руководитель военной миссии США в Турции генерал Макбрайд 24 марта 1948 года на пресс-конференции в Анкаре заявил, что «переданные некоторыми агентствами сообщения из Турции о том, что последняя желает получить не военную, а только экономическую помощь, поставили меня в крайне затруднительное положение. Такие сообщения едва ли не вызвали в США плохого впечатления».

Но американский генерал может не беспокоиться. Турецкая реакция согласна на все условия американцев. Приняв план американской «помощи» и её кабальные условия, допустив в страну американскую военную миссию с широкими полномочиями, Турции ничего не остаётся, как выполнять указание своих хозяев. Теперь, так же как и при немецком господстве, нет турецкого генерального штаба, а есть полномочный представитель генерального штаба США в Турции, который за турок решает вопросы её обороны.

Американский посол в Анкаре Вильсон располагает чрезвычайными полномочиями и чувствует себя хозяином в Турции. Руководитель американской военной миссии генерал Макбрайд, который контролирует турецкую армию, недавно ездил в США и по возвращении в Анкару заявил, что «помощь» США Турции продлена ещё на год. Авиационную миссию возглавляет генерал Хогг. Недавно в Анкару прибыла миссия американского адмирала Ситтля для контроля над военно-морскими силами Турции. Миссию по строительству шоссейных дорог возглавляет заместитель директора американского управления государственных шоссейных дорог Хилтс. Американский «специалист» Кирга взял под свой контроль «реорганизацию железнодорожного транспорта». Количество американских военных и гражданских лиц в Тур-

ции исчисляется теперь сотнями. Все меры, связанные с «модернизацией» турецкой армии, строительства стратегических железных и шоссейных дорог, аэродромов и аэропортов, проводятся под руководством американцев.

Американцы не только руководят вооружением и обучением турецкой армии, но и требуют от турок военно-морских баз, аэродромов. Военно-морскую базу в Измиде—Гелджюк—они уже превратили в американскую базу и ведут переговоры о создании «американского Сингапура» на Средиземноморском побережье Турции. Так американцы под флагом «помощи» установили своё господство в Турции.

* * *

Турция превращена в рынок сбыта и сырьевую базу американских монополий. Для американских бизнесменов восстановлены льготы и привилегии, которыми в Турции раньше пользовались иностранцы. Специальным законом меджлиса все американские военные поставки освобождены от пошлин, и в Турцию уже хлынули широким потоком залежавшиеся товары и излишки вооружения. Американским дельцам разрешено свободно вкладывать свои капиталы в турецкую экономику и вывозить из страны прибыль. Американские компании уже приступили к исследованию и эксплоатации богатств Турции. Почти вся добываемая в Турции хромовая руда направляется в США, так же как раньше, в годы второй мировой войны, она направлялась в фашистскую Германию. Американцы рассчитывают до середины 1949 года получить из Турции 200 тысяч тонн высококачественной хромовой руды. Они уже прибрали к рукам нефтяные источники в районе горы Романдага, вблизи города Диарбекира.

Наряду с программой «модернизации» турецкой армии американцы выдвинули лозунг «модернизации» турецкой экономики. Под натиском американцев рушится принцип Ататюрка—этатизм —поощрение государством развития национальной промышленности и создание государственных предприятий. Представитель нефтяных монополий США Торнберг в 1947 году заявил: «Если экономическая политика этатизма останется прежней, это будет невыгодно для американского капитала». Высший совет правящей народно-республиканской партии недавно обсудил вопрос «об определении границ этатизма» и высказался за предоставление льгот американскому капиталу.

Американская «помощь» уже теперь крепко бьёт по турецкой экономике. Выражая тревогу турецких промышленников, стамбульская газета «Хюр ватан» в декабре 1947 года писала: «Иностранные товары начали конкурировать с местной промышленностью. Нарушилась работа многих отраслей промышленности. Это является величайшей опасностью для нашей страны. Враг оккупирует нашу родину через таможню».

Об этой опасности сигнализируют и другие газеты. Газета «Сон саат» недавно писала: «В настоящее время мы вновь как будто возвращаемся к прежней задолженности, то есть к тем временам, когда Турция в результате финансовой и политической зависимости от иностранных государств была превращена в полуколонию».

Именно этого и добиваются американские дельцы. Турецкая экономика переживает глубокий кризис. Она терпит поражение в конкурентной борьбе с американскими монополиями, наводняющими Турцию залежалыми товарами, не находящими сбыта в США. Американская конкуренция уже привела к свёртыванию турецкой промышленности. Ряд предприятий закрыт. Сокращают свою работу обувные, хлопчатобумажные, химические, стекольные фабрики и заводы. На 50% сократила производство крупнейшая турецкая обувная фабрика в Бейкозе. Сократилось производство и на текстильных предприятиях Сумербанка.

Выросла безработица. В одном Стамбуле недавно было учтено 80 тысяч безработных и 15 тысяч беспризорных детей. По данным журнала «Чалышма» за 1946 год, в Турции уже в то время было около 2 миллионов людей, не имеющих постоянной работы. Реакционная газета «Джумхуриет» 16 января 1948 года вынуждена была констатировать рост безработицы и признать, что «положение уволенных рабочих и всё возрастающая безработица в Стамбуле стали одним из основных вопросов дня. Сотни выпускников средних учебных заведений ежедневно обращаются к губернатору, муниципалитету, народно-республиканской партии, управлениям здравоохранения и национального просвещения с просьбой дать им работу. Даже на одно вакантное место тюремного сторожа оказалось 500 претендентов». Из Анатолии и других районов в Стамбул стекается огромный поток людей в поисках работы. А в то же время в Стамбуле и других городах закрываются заводы и фабрики; рабочих с большим производственным стажем выбрасывают на улицу.

Условия труда на турецких предприятиях исключительно тяжелы. Например, в шахтах Чайдамир рабочий день длится до 16 часов; на ряде предприятий продолжительность рабочего дня доходит до 18 часов. Широко применяется принудительный труд. Так, в Зонгулдакском каменноугольном бассейне из 30 тысяч рабочих 14 тысяч — крестьяне, отбывающие трудовую повинность и работающие вместе с осуждёнными преступниками.

Заработок турецких рабочих чрезвычайно низок. За годы войны стоимость прожиточного минимума увеличилась в 5—6 раз, а заработная плата выросла только на 25—30%. При прожиточном минимуме средней семьи в 350 лир в месяц заработок текстильщика равен лишь 60 лирам. Обнищание масс приняло небывалые даже для Турции размеры.

Инфляция нанесла огромный ущерб турецкой экономике. Налоговый пресс в Турции давит трудовое население. 90% расходов по бюджету покрываются из налоговых поступлений. С трудящихся города взимается около 10 видов всевозможных налогов. Так, взыскиваются: а) подоходный налог в размере 12% заработка; б) кризисный налог (от 10 до 12%); в) налог равновесия (8%); г) авиационный (8%) и другие. С каждого мужчины ежегодно взимается 18 лир дорожного налога.

Недавно официальная комиссия по труду обследовала положение рабочих в Карабюке (сталелитейный комбинат) и в Зонгулдаке (каменноугольный бассейн) и пришла к выводу, что даже квалифицированные рабочие теперь находятся в гораздо худших материальных условиях, чем раньше находились ученики. Газета «Гевезе» 29 января указывала, что «Турция, не участвовавшая в войне, в настоящее время задыхается в тисках безработицы, дороговизны и нищеты...» Правительство, состоящее из членов народно-республиканской партии, забыло о чаяниях народа, защищает интересы горстки лиц.

После окончания второй мировой войны в Турции были созданы профсоюзы в угольной, горной и текстильной промышленности, в торговом флоте, на сухопутном транспорте, в строительной промышленности и т. д. Но в декабре 1946 года эти профсоюзы были разогнаны, их руководители арестованы, газеты и клубы закрыты. В феврале 1947 года правящая партия провела через меджлис закон о создании лжепрофсоюзов. Согласно этому закону, профсоюзам запрещено заниматься политикой, иметь связи с международными организациями, организовывать стачки и т. д., то есть запрещено всё, что дало бы возможность рабочим защищать свои права в борьбе с предпринимателями. Создавая лжепрофсоюзы, народно-республиканская партия пытается перехватить рабочее движение и направить его по ложному руслу. Таких профсоюзов в стране создано 45, из которых 25 — в Стамбуле.

Но попытка буржуазии взять под контроль рабочее движение терпит крах. Между руководством правительственных профсоюзов и их рядовыми членами идёт непрерывная борьба. Рабочие настаивают на отмене антидемократического закона о профсоюзах и требуют создания свободных профсоюзов. Рабочие выступают за восьмичасовой рабочий день, за повышение заработной платы, за оплату сверхурочных работ, за право забастовок; они протестуют против системы бесконечных штрафов. Лишь за последние три месяца в крупнейших центрах страны было зарегистрировано 5 тысяч конфликтов рабочих с капиталистами. Представители профсоюзов Стамбула в феврале этого года вынуждены были в своём письме министерству труда признать, что «профсоюзы, которые были созданы правительством, не оправдали себя и не дали ожидаемых результатов».

* * *

Крестьяне в Турции живут в условиях беспросветной нужды. В турецкой деревне попрежнему господствуют помещики, ага—кулаки, в руках которых сосредоточены лучшие земли. Крестьян попрежнему гнетут издольщина и испольщина. Недаром за нищими турецкими крестьянами закрепилась кличка «босоногих». Сельское хозяйство приходит в упадок. Две трети всей пахотной земли (8 миллионов гектаров) принадлежит 33 тысячам крупных помещичьих хозяйств. Лишь $1/3$ земли приходится на долю $2 1/2$ миллионов крестьянских хозяйств. Из 14 миллионов крестьян 6 миллионов безземельных. Количество безземельных и малоземельных крестьян в Турции доходит до 70—75%, и они вынуждены работать на чужой земле за ничтожную плату и влачить жалкое существование.

Вот уже больше четверти века господствует в Турции кемалистский режим, но, кроме замены феодального натурального налога—ашара (десятина) — денежным, никаких изменений в жизнь турецкой деревни он не внёс. Несмотря на сравнительное обилие земель, трудовые слои крестьянства задыхаются от безземелья. Сложные сельскохозяйственные орудия, агротехнические мероприятия — всё это недоступно нищим крестьянским массам. И потому они постаринке пользуются дедовским деревянным плугом. Львиная доля скудных крестьянских доходов идёт на уплату налогов и долгов, на покрытие военных расходов. Турецкие крестьяне платят более тридцати видов налога. За 1947 год с крестьян взыскано 7 миллионов 600 тысяч лир штрафов за те или иные «провинности». Не удивительно, что при таких условиях турецкий крестьянин, как вынуждена признать газета «Акшам», нищенствует, «мало, очень мало ест. Он не ест мяса, не пьёт молока. Он всё это несёт на базар, получает несколько куруш (мелкая монета) и тем самым старается удовлетворить свои потребности». Газета «Ватан» 25 января писала: «В настоящее время 80% населения Турции живёт в очень плохих условиях. Оно ковыряет землю сохой и живёт впроголодь».

Недовольство политикой, проводимой в деревне, проникает даже в ряды правящей партии. На конференции организации народно-республиканской партии в Йозгаде, как пишет газета «Сон поста» от 5 апреля, делегаты заявили, что «народ испытывает крайние трудности; крестьяне в течение трёх месяцев вынуждены питаться травой, они не имеют даже примитивных сельскохозяйственных орудий».

На конференции демократической партии в Манисе крестьянка Бала говорила: «Я пришла сюда на конференцию в лаптях. Мы, крестьяне, разорены. Многие из нас босы и голы. Долгов по горло. Нет керосина, нет соли, мы не в состоянии купить себе даже двух аршин ситца. Я уже 22 года гну спину над сохой. И в этом году мы голодаем. Так как я не

могла уплатить долга, земельный банк забрал мою последнюю корову. Я не могла платить налоги. Теперь отбирают у меня последний клочок земли».

Показателем ужасающей нищеты турецкой деревни является и высокий процент детской смертности. На прошедшей в январе 1948 года конференции демократической партии в Бурсе делегаты указывали, что в связи с отсутствием медицинской помощи в деревнях умирает до 60% новорожденных детей.

Низкий процент грамотности также свидетельствует о нищете и бескультурье как в деревне, так и во всей Турции. По данным газеты «Тан», число грамотных в Турции в 1945 году не превышало 18% населения. Журнал «Миллет» в 1947 году сообщал, что в ¾ турецких деревень нет начальных школ, зато в большинстве деревень имеются жандармские участки. На 1948 год бюджет полиции и жандармерии превышает бюджет министерства просвещения на 30 миллионов лир. Недавно построено 46 новых тюрем. В Стамбуле строится большая тюрьма — по американскому образцу.

Растущее возмущение в турецкой деревне сильно тревожит правящие круги. Чтобы успокоить общественное мнение, правители Турции 11 июня 1945 года провели через меджлис закон о так называемой земельной реформе, на деле ограждающий интересы помещиков и кулаков.

Бизнесмены США своим вмешательством в экспорт сельскохозяйственной продукции наносят турецким крестьянам огромный ущерб. Известно, что табак занимает видное место в сельском хозяйстве Турции и является важной статьёй её экспорта. Однако американские дельцы отдают предпочтение греческому табаку и принуждают турок сокращать производство табака, что угрожает разорением десяткам тысяч крестьянских хозяйств.

В турецкой деревне не верят никаким обещаниям лидеров правящей буржуазно-помещичьей партии. Брожение в деревне уже выходит из рамок обычных протестов и принимает более острые формы. Наряду с бурными протестами против произвола полицейских властей происходят и серьёзные выступления и самовольный захват помещичьих земель. Весной 1947 года в волостном центре Кзылбахча шли настоящие бои между крестьянами и жандармами. Столкновение продолжалось несколько часов. Были вызваны войска. Газета «Тасвир» 26 февраля 1947 года сообщила, что «площадь, на которой разыгрались события, превратилась в настоящее поле битвы».

Безземельные крестьяне в районе Сока самочинно захватили часть земель Борновского поместья. В районе Койджиюз безземельные крестьяне захватили земли имения Далабана и разделили их между собой. В деревне Колджик (вилайет Чанкыры) крестьяне сожгли усадьбу помещика и уничтожили 50 голов скота. Во время вооружённой схватки между крестьянами и членами правящей партии в деревне Енидже (вилайет Испарта) были убиты десятки людей. Крестьяне кричали: «Вон отсюда американских холуёв!» На митинге в Измире крестьяне кричали: «Долой тиранию! Требуем земли и народного правительства!»

Газета «Ватан» недавно писала, что «накопившееся годами недовольство в деревне против правящей партии в последнее время вышло из берегов». Другая газета — «Ени асыр» — указывала, что турецкий крестьянин «больше не хочет молчать. Он ничего не имеет и поэтому не боится лишиться чего-либо». В турецких деревнях открыто заявляют: «Нам ненужны американские танки, нам нужны земля, плуг и трактор».

В своё время гитлеровцы выдвигали лозунг: «Пушки вместо масла». Теперь турецкая реакция, пренебрегая интересами разорённого, нищего, голодного народа, выдвинула лозунг: «Пушки и танки вместо сельскохозяйственного и промышленного оборудования».

Разжигание шовинизма нужно турецким реакционерам для того, чтобы отвлечь внимание населения — голодного и нищего — от действительной обстановки в стране.

* * *

Американская «помощь» активизировала в Турции деятельность самых махровых пантюркистских, панисламистских, расистских, фашистских элементов. Турецкая реакционная пресса соревнуется с херстовской прессой в антисоветской свистопляске и пропаганде войны. Это поведение турецкой реакции и её печати вполне совпадает с интересами американских империалистов, нынешних хозяев Турции.

Турецкие поджигатели войны не унимаются и после того, как они были пригвождены тов. А. Я. Вышинским на Ассамблее ООН к позорному столбу.

А. Я. Вышинский в своей речи на Ассамблее ООН 24 октября 1947 года, цитируя ряд захваченных Советской Армией немецких документов, указывал, что в годы второй мировой войны тогдашний премьер-министр Турции Сараджоглу и министр иностранных дел Менеменджиоглу в своих беседах с гитлеровским послом в Анкаре фон Папеном выражали страстное желание видеть Советский Союз побеждённым и в ожидании этого строили бредовые проекты создания большого государства, куда должны были «входить, кроме Анатолии, Кавказ и тюркские народы, живущие к востоку от Волги».

В своём стремлении угодить заокеанским «благодетелям» реакционная турецкая печать усиленно занимается пропагандой новой войны. В разжигании шовинизма, в антисоветской пропаганде турецкие реакционеры видят средство отвлечь внимание народа от катастрофического внутреннего положения, от фактов проникновения американцев в Турцию, захвата ими господствующих позиций. Именно для оправдания подчинения страны американскому империализму пропагандируется избитый тезис о том, что СССР якобы угрожает Турции.

Американским же империалистам военная пропаганда облегчает дело подчинения турецкой экономики и вытеснения из Турции англичан.

Турецкие реакционеры усиленно работают и над заключением военных блоков и союзов. Имея военный союз с Англией и Францией, Турция заключила военные договоры с Ираком и Трансиорданией. Печать сообщала о том, что некоторые турецкие деятели ведут переговоры о блоке с Грецией и Италией. Недавно министр иностранных дел Турции Садак заявил, что он в принципе согласен с идеей создания союза между странами, расположенными в районе Средиземного моря. Во время недавнего посещения Садаком Лондона было официально объявлено о действительности англо-франко-турецкого договора 1939 года. Позже Садак был в Афинах и вёл переговоры с монархофашистским правительством Греции. Турция явно заигрывает с арабскими странами. Турецкие реакционные газеты заполнены истерическими призывами заключить формальный военный союз с США.

По сообщению ряда газет, американские дипломаты планируют создание обширной мусульманской лиги, в которую должны вой-

ти Турция, Иран, Пакистан и все арабские страны. Ближневосточный блок, по мысли англо-американских империалистов, должен дополнить создаваемый ими западный блок, и в этом ближневосточном блоке Турции отводится особое место.

Турецкие дипломаты из кожи лезут вон, чтобы выполнить задание государственного департамента США — сколотить ближневосточный блок под эгидой англо-американского империализма. Усилиями американских эмиссаров и их турецких прислужников Турция превращена в очаг смуты на Ближнем Востоке.

Факты со всей очевидностью показывают, что после второй мировой войны турецкое правительство не только не демобилизовало свою армию, а, наоборот, пользуясь военной «помощью» американского империализма, строит сумасбродные планы, идущие вразрез с коренными интересами турецкого народа и добрососедскими отношениями с соседними странами.

Однако американцы и их подручные в Турции упускают из виду сопротивление турецкого народа, его передовых элементов.

Борьбу против реакции, за демократические права, за землю и свободу широкие массы турецкого народа связывают с борьбой против американской кабалы. В турецкой печати высказываются явные сомнения насчёт целесообразности влезать в огромные долги для пагубных авантюр, подготовляемых турецкими реакционерами в интересах американского империализма. Газета «Гевезе» определённо заявляет, что «нельзя управлять страной при помощи иностранных денег. В течение долгих лет мы расплачивались за долги оттоманской династии... не следует подвергать страну нашествию доллара».

Проводимая турецкой реакцией политика вражды к СССР не встречает сочувствия у широких масс. Демократические круги прямо указывают, как сообщает газета «Зинджирли хюриет», что «односторонняя политика, которую проводит правительство народно-республиканской партии с одобрения демократической партии, не соответствует интересам народа».

Несмотря на систематическую антисоветскую пропаганду и милитаристическую шумиху реакционной печати, среди трудящихся Турции сильны антимилитаристские настроения. «Война кончилась — зачем нас держат?» — заявляют турецкие солдаты, истосковавшиеся по мирному труду. Даже официоз «Улус» вынужден признать, что эти настроения широко распространены в народе.

Турецкий народ, так же как и другие народы, хочет мира и нормальных отношений со своими соседями.

Простые люди Турции не хотят быть пушечным мясом ни для обогащения «своих» капиталистов и помещиков, ни для увеличения прибылей разжиревших от войны миллиардеров Уолл-стрита. Они требуют мира, демократических реформ, свободы и земли.

Американская «помощь» несёт турецкому народу не избавление от нищеты и разорения, а подрывает основы турецкой экономики, увеличивает военные расходы и долги, усиливает налоговый пресс, основная тяжесть которого ложится на плечи трудовых масс. Растущие финансовые и экономические трудности Турции чреваты такими же последствиями, как и раньше, когда Турция вынуждена была объявить себя банкротом и целиком оказалась во власти своих «благодетелей».

Из опубликованной Советским Информационным бюро исторической справки «Фальсификаторы истории» видно, что гитлеровская Германия рассматривала Турцию «как настоящую или, во всяком случае, будущую свою союзницу», когда развязывала вторую мировую войну. По всем

данным, инициаторы американской военной «помощи» Турции считают её нынешних реакционных правителей своими послушными и активными соучастниками в осуществлении планов Уолл-стрита.

На примере Турции наглядно видно, что американская «помощь» не избавляет страну от трудностей, а ещё более ухудшает бедственное положение широких масс, обостряет внутриполитический кризис и вовлекает страну в орбиту американской экспансии. «Помощь» США является орудием поддержки и поощрения антинародной внутренней и внешней политики турецкой реакции, установления господства американских монополий в стране, использующих её в своих экспансионистских целях.

Новые документы о поджигателях второй мировой войны

В начале 1948 года государственный департамент США опубликовал сборник различных донесений и записей гитлеровских дипломатических чиновников. В этот сборник были включены только те писания этих чиновников, которые относились к советско-германским отношениям — и при этом ко времени действия советско-германского договора 1939 года. Государственный департамент США включил в своё издание различные, крайне сомнительные записи дипломатических бесед, фальшиво, с гитлеровской точки зрения освещающие переговоры и события того времени, которые на самом деле протекали совершенно иначе. В сборник не включены материалы, относящиеся к мюнхенскому периоду, и, таким образом, эти материалы скрыты от общественного мнения, что, конечно, не случайно и преследует цели, не имеющие ничего общего с объективным и добросовестным отношением к исторической правде.

В самой Америке некоторые люди—даже из реакционного лагеря—тотчас же осудили это неуклюжее упражнение государственного департамента. Небезызвестный публицист Уолтер Липпман назвал на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн» произведение государственного департамента «классическим примером плохой пропаганды». Руководителям радиопередач «Голос Америки», которые усиленно рекламировали сборник, Липпман пожелал иметь «больше ума и такта». Липпман вынужден был признать слишком явный, нарочито тенденциозный характер изданных материалов. Он отметил, что издание государственного департамента «содержит только нацистские документы» и что «ни один уважающий себя историк не подумает основать своё суждение на документах, которые освещают великие исторические события только с одной стороны».

Обозреватель «Чикаго сэн энд таймс» 16 февраля 1948 года охарактеризовал сборник как попытку «отредактировать историю в целях пропаганды». Как он указал, из 2 миллионов захваченных немецких документов государственный департамент произвольно выбрал для опубликования только 260. Остальные скрыты от общественности.

Надняхгосударственный департамент даже сам признался, что прячет некоторые германские документы. Об этом заявил, в частности, представитель государственного департамента по делам печати Макдермотт в беседе с сотрудником газеты «Вашингтон пост». Когда корреспондент сослался на одностороннее опубликование немецких документов, касающихся советско-германских отношений, Макдермотт заявил, что ряд документов не будет опубликован.

Как известно, ещё в 1945 году советское правительство через своего посла в Лондоне обратилось к английскому правительству с предложением о совместной разработке трофейных архивов. Это предложение было отклонено как «преждевременное».

В дальнейшем ни английское, ни американское правительства никогда не возвращались к поднятому советским правительством вопросу о

привлечении представителей СССР к разработке германских документов, хотя казалось бы естественным, что этот вопрос рано или поздно перестанет быть «преждевременным».

Ясно, что англо-американские фальсификаторы не хотели допускать к захваченным ими германским архивам советских экспертов, ибо это помешало бы фальсификации событий недавнего прошлого. В начале 1946 года американцы начали сепаратно публиковать в бюллетене государственного департамента некоторые немецкие документы, касающиеся отношений Германии с Испанией и Венгрией. Уже после этого и в СССР были изданы три выпуска документов германского министерства иностранных дел, также посвящённые отношениям гитлеровской Германии с её сателлитами и пособниками — Испанией, Венгрией и Турцией.

Летом 1946 года между правительствами США и Великобритании было подписано соглашение о совместной публикации немецких документов. В дальнейшем к этому соглашению присоединилось французское правительство. Наконец, как уже сказано выше, в январе 1948 года государственный департамент США выпустил сборник, представляющий в фальсифицированном виде советско-германские отношения 1939—1941 годов.

* * *

В «Исторической справке» Советского информбюро было указано, что «захваченные советскими войсками после разгрома Германии документы германского министерства иностранных дел раскрывают подлинную сущность внешней политики Великобритании и Франции того периода. Как видно из документов, сущность англо-французской политики заключалась не в объединении сил миролюбивых государств для совместной борьбы против агрессии, а в том, чтобы изолировать СССР и направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза, использовав Гитлера как орудие в своих целях» [1]. Всё это и показывает публикация документов кануна второй мировой войны, осуществляемая теперь Министерством иностранных дел СССР. Уже выпущен первый том, посвящённый событиям 1938 года — года мюнхенского предательства [2]. Основные события, вокруг которых вращается дипломатическая переписка, опубликованная в первом томе, — захват Австрии и Чехословакии гитлеровской Германией и пособничество, оказанное ей в этих чёрных делах капиталистическими державами на Западе.

Как известно, с 1937 года пост английского премьер-министра занял Невилль Чемберлен. С самого начала он подхватил тот план сделки с гитлеровской Германией, который уже и раньше вынашивался в английских правительственных кругах. Эти круги задумали оградить интересы самой Англии от гитлеровских покушений, рассчитывали направить гитлеровскую агрессию на восток и юго-восток Европы, — отдать Гитлеру Австрию, Чехословакию, Балканы, дабы предоставить ему стратегические позиции, облегчающие нападение на СССР, и тем самым развязать советско-германскую войну. Не Чемберлен изобрёл эту политику: она зародилась до его водворения на премьерском кресле и нашла своё выражение в идее «пакта четырёх держав», в англо-германском морском соглашении 1935 года и многих других фактах. Но Чемберлен стал особенно беззастенчиво осуществлять эту политику, отбросив те фразы о

---

[1] «Фальсификаторы истории», стр. 22. Госполитиздат. 1948.

[2] Министерство иностранных дел СССР. «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I. Ноябрь 1937—1938 г.г. Из Архива Министерства Иностранных Дел Германии. Госполитиздат. 1948.

«принципах» Лиги наций и о коллективной безопасности, которыми его предшественники пытались маскировать свои замыслы.

Чемберлену усердно помогали: его ближайший советник Гораций Вильсон, лорд Галифакс, сменивший Идена на посту министра иностранных дел, Н. Гендерсон, назначенный в 1937 году на пост английского посла в Берлине. Сам Гендерсон сообщает в своих мемуарах, что английская печать называла его «нашим нацистским британским послом в Берлине»[1]. В июне 1937 года, через месяц после своего назначения, Гендерсон получил указания от своего правительства «предпринять первую из числа продуманных попыток Чемберлена, направленных на улучшение англо-германских отношений. Она состояла в приглашении министра иностранных дел барона фон Нейрата приехать в скором времени в Лондон». Предполагалось обсудить испанский вопрос, «а также и всю внешнеполитическую ситуацию»[2]. Гитлеровцы сначала было согласились, но потом отклонили предложение в достаточно невежливой форме. «Чемберлен должен был снова проявить инициативу и сделать в том же году позже вторую попытку для установления контакта путём посылки лорда Галифакса в Берлин»[3]. Официально Галифакс прибыл посетить охотничью выставку, устроенную Герингом в ноябре 1937 года. До сего времени о миссии Галифакса, сверх этого краткого свидетельства Гендерсона, не было известно почти ничего достоверного.

Из публикации МИД СССР впервые стало известно, что Галифакс привёз предложение всеобъемлющей англо-германской сделки в духе вышеописанной общей политики Чемберлена. Рецензируемый I том публикации открывается записью беседы лорда Галифакса с Гитлером 19 ноября 1937 года. Галифакс начал беседу с восхваления «фюрера», «преградившего путь коммунизму в Западную Европу», и указал, что Германия «по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Затем Галифакс дал явственно понять, что суть сделки, задуманной британским правительством, заключается в изоляции Советского Союза: «Если бы Германии и Англии удалось достигнуть согласия или хотя бы к нему приблизиться, то, по мнению англичан, было бы необходимо привлечь к обсуждению те страны, которые в политическом отношении близко стоят к Германии и Англии. Здесь имеются в виду Италия и Франция...» Итак, Галифакс предложил старую антисоветскую идею — пакта четырёх держав, которые одни, без СССР и вопреки СССР, вершили бы дела Европы.

Гитлер ответил, что такое соглашение возможно лишь в том случае, если с Германии будет снято «моральное или материальное клеймо Версальского договора». Он дал понять, что если его притязания не будут удовлетворены путём сделки с Англией, то он реализует их силой.

Выслушав всё это, Галифакс напомнил Гитлеру, что Англия уже оказала ему немалую помощь в его замыслах, в частности при реоккупации Рейнской области. Он намекнул, что Англия готова на то, чтобы Гитлер произвёл новые, желательные ему захваты и нарушения международных договоров, но только не самочинно, а путём «разумного урегулирования», то есть сделки с Англией. Как увидим, это последнее домогательство англичан играло очень большую роль в англо-германских отношениях того времени.

Гитлер отвечал уклончиво. Он принялся демагогически распространяться о том, что будто бы делал много предложений, направленных на обеспечение мира, но безрезультатно. Он заявил о крайнем своём

[1] N. Henderson «The Failure of a Mission». London. 1940, p. 20.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Там же, стр. 69.

недовольстве по поводу того, что в Англии не собираются возвратить Германии её бывшие колонии, захваченные у неё Англией и Францией по Версальскому договору. Он дал понять, что возвращение колоний явится предпосылкой для сближения с Англией.

Этого требования англичане боялись: удовлетворяя его, им ведь пришлось бы поступиться частью своих колониальных владений. Но английское правительство не хотело откровенно отклонять колониальные притязания Гитлера. И Галифакс ответил, что английское правительство готово обсудить с немцами также и колониальный вопрос, но только при одном условии: «...Никакое английское правительство не может обсуждать изолированно с Германией колониальный вопрос. Последний может рассматриваться только как часть общего урегулирования...»

Эта оговорка о невозможности рассматривать колониальный вопрос изолированно раскрывает уже известный нам замысел английского правительства: обеспечить свои интересы от покушений Гитлера, ублаготворив его подачками за чужой счёт, и «канализировать» гитлеровскую агрессию в направлении, желательном для английского империализма — на восток и на юго-восток. Галифакс с совершенной определённостью назвал Гитлеру те страны, которые британское правительство готово ему отдать. Поговорив относительно возможности возвращения Германии в Лигу наций и насчёт соглашения о разоружении, Галифакс заявил Гитлеру: «Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут». К этим «вопросам» он отнёс Данциг, Австрию и Чехословакию и добавил: «Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путём мирной эволюции...»

Гитлер, однако, стоял на своём: либо англичанам следует отдать Германии её прежние колонии, либо же она силой захватит для себя колониальные владения, причём в таком случае заранее «нельзя сказать», что именно она себе заберёт. Предложение Галифакса — продолжить прямые переговоры между членами правительств Англии и Германии — Гитлер отклонил, заявив, что предпочитает обычный дипломатический путь.

Таким образом, миссия Галифакса имела своей целью изолировать СССР посредством заключения пакта четырёх держав, в основе которого должна была лежать англо-германская сделка, предоставлявшая Германии Данциг, Австрию и Чехословакию в обмен за приемлемое для Англии урегулирование колониального вопроса и, возможно, вопроса о вооружениях. Это была развёрнутая, но, так сказать, предварительная схема той политики, которая в дальнейшем привела Англию в Мюнхен.

В начале 1938 года Галифакс сменил Идена на посту министра иностранных дел. Ввиду того что Гитлер не захотел вести прямых бесед с членами английского правительства, Галифакс решил поручить продолжение начатых им переговоров послу в Берлине Гендерсону и вызвал его в Лондон для инструктирования. По возвращении в Берлин Гендерсон встретился с Гитлером. Это произошло 3 марта 1938 года [1], то есть уже после того, как австрийский премьер Шушниг побывал у Гитлера в Берхтесгадене и заключил с ним соглашение, означавшее явную гитлеризацию Австрии. Хотя характер австро-германского соглашения был очевиден, Гендерсон начал беседу с заявления, что британское правительство ещё не в состоянии правильно оценить последствия этого соглашения.

Далее Гендерсон, после нескольких замечаний относительно желательности ограничения военно-воздушных сил, изложил программу английского правительства по колониальному вопросу. Обходя поставленный Гитлером вопрос о возвращении Германии её прежних колоний,

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I, док. № 3.

Гендерсон от имени своего правительства предложил создание в Центральной Африке зоны с особым колониальным режимом под общим контролем нескольких держав, причём колонии были бы в этой области «заново перераспределены». Германия получила бы какую-либо колониальную территорию и была бы привлечена к участию в этом «новом колониальном режиме». Зона эта простиралась бы, по мысли английского правительства, от 5° северной широты на юг до реки Замбези. Иначе говоря, она включала бы в себя главным образом бельгийские и португальские владения, которыми англичане и намеревались рассчитаться с Гитлером. Гендерсон спрашивал Гитлера, согласна ли Германия принять участие в новом колониальном режиме и готова ли она со своей стороны сделать какой-либо «вклад» в дело соглашения с Англией. Гендерсон называл это «обеспечением в Европе всеобщего спокойствия и безопасности».

В ответ Гитлер дал понять, что свои дела в Центральной Европе он устроит и без помощи Англии: «В отношении Центральной Европы следует заметить», что «Германия не позволит вмешиваться третьим державам» в свои отношения со странами, где живёт большое количество немецкого населения. Тут мы подошли к важному моменту в англо-германских отношениях: Гитлер хотел Австрию и Чехословакию взять, англичане же хотели ему эти страны продать.

Что касается колониального вопроса, то Гитлер ответил, что не понимает, почему надо создавать новую сложную систему. Во всяком случае, предпосылкой для участия Германии в новом колониальном режиме является возвращение её прежних колоний. Дальше Гитлер довольно откровенно дал понять Гендерсону, что намечается германское выступление против Австрии и Чехословакии под предлогом защиты немецкого населения. Он жаловался на то, что английский посланник в Вене якобы противодействует немецкой политике. Эти жалобы дали Гендерсону возможность в слегка завуалированной форме дать ответ на предупреждение Гитлера относительно возможного покушения на Австрию: «Британский посол указал на то, что совсем не обязательно, что эти высказывания посланника представляют мнение британского правительства, и заявил о том, как часто он сам, сэр Невиль Гендерсон, высказывался за аншлюсс». В конце беседы, видимо, в обмен за это, Гитлер обещал дать письменный ответ на английское предложение по колониальному вопросу. Таким образом, 3 марта 1938 года Гитлеру, через британского посла в Берлине, было дано понять, что «аншлюсс» Австрии не встретит противодействия со стороны английского правительства.

Чтобы полностью оценить заявление Гендерсона относительно согласия на захват Австрии, следует вспомнить, что незадолго до этого, 21 февраля 1938 года, Саймон сообщил в палате общин, что Англия не давала никаких гарантий ни Австрии, ни Чехословакии, помимо тех, которые принимает на себя любой член Лиги наций. Это заявление было тем более примечательным, что, по крайней мере, в отношении Австрии оно грубо противоречило общеизвестным фактам. На следующий день в палате общин выступил Чемберлен и заявил о невозможности защищать малые страны и вообще обеспечивать коллективную безопасность с помощью механизма Лиги наций. Гендерсон в цитированной беседе с Гитлером прокомментировал эту речь, указав, что Чемберлен, «не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. п.». 28 февраля Чемберлен сообщил в палате общин, что положение в Австрии не требует «каких-либо действий со стороны правительства его величества».

На основе такого рода высказываний в литературе сложился взгляд, что Англия не сделала никакой попытки к тому, чтобы помешать Гитлеру захватить Австрию. Такой взгляд и удерживался до сего времени. Однако из германских документов, опубликованных МИД СССР, становится

ясным, что эта точка зрения нуждается в существенном дополнении: Англия не только не помешала захвату Австрии, но она заранее дала Гитлеру своё согласие на этот захват.

В обмен от Гитлера ожидали такой сделки, которая обеспечила бы сохранность английских колоний и, как выразился Гитлер в беседе с Гендерсоном, обеспечила бы «объединение Европы без России». Это было 3 марта 1938 года. 12 марта гитлеровские войска вступили в Австрию...

Нам остаётся упомянуть о заключительной сцене австрийской трагедии, разыгравшейся на дипломатической арене. Как известно, английское правительство выступило с формальным осуждением этого акта. В дипломатических кругах Лондона Галифакс распространял слухи, будто бы ему в жизни не приходилось говорить так резко, как с Риббентропом, по поводу захвата Австрии. Но сам Риббентроп, разговаривая из Лондона с Герингом по телефону, сообщил ему, что «уже откровенно беседовал с Галифаксом и Чемберленом» и что «впечатления от обоих — Галифакса и Чемберлена — превосходны». Запись телефонного разговора Риббентропа с Герингом, фигурировавшая среди материалов Нюрнбергского процесса, включена в рецензируемое издание (док. № 5).

Только советское правительство предложило принять серьёзные меры против захвата Австрии. Подтверждая свою готовность участвовать во всех коллективных действиях, которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии, правительство СССР призывало занять «твёрдую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». На эту советскую ноту английское правительство ответило, что «конференция, на которой присутствовали бы лишь некоторые из европейских держав и которая имела бы целью не столько обеспечение урегулирования неразрешённых проблем, сколько принятие согласованных действий против агрессии, не обязательно окажет, по мнению Правительства Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира» (док. № 7). «Ответ английского Правительства на советскую ноту свидетельствовал о нежелании английского Правительства создавать помехи этим планам гитлеровской агрессии» («Историческая справка» Совинформбюро, стр. 28). Из всего этого явствует, чего стоил английский протест против захвата Австрии.

Между 19 ноября, когда Галифакс беседовал с Гитлером, и 3 марта, когда Гендерсон одобрил аншлюсс, британская дипломатия совершила акт предательства австрийского народа. Между 11 марта, когда Риббентроп беседовал с Галифаксом и Чемберленом, и 14 марта, когда Чемберлен выступил в палате общин с «осуждением» насилия над Австрией, британская дипломатия разыграла второй акт: акт беспримерного лицемерия...

* * *

Чехословакия была следующей жертвой, которую в Лондоне решили выдать Гитлеру. Захват Чехословакии являлся важнейшим шагом к развязыванию войны в Европе. И он тоже был осуществлён Гитлером при прямой поддержке со стороны Англии и Франции.

История подготовки немцами захвата Чехословакии в основном известна; достаточно напомнить материалы Нюрнбергского процесса. Публикуемые документы добавляют, однако, новые важные факты. Из этих документов (из письма министра иностранных дел Нейрата от 5 февраля 1938 года, док. № 2) мы узнаём, что в Берлине уже в феврале 1938 года обсуждался вопрос о возможном аннулировании германо-чехословацкого арбитражного договора 1925 года. Ещё любопытнее телеграмма германского посланника в Праге Эйзенлора от 18 марта 1938 года (док. № 6). Из неё ясно, какое значение придавали гитлеровцы разрыву советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, заключённого в 1935 году. В эту пору, когда, как известно, гитлеровцы ещё не плани-

ровали полного захвата Чехословакии, по крайней мере в качестве ближайшей задачи, они одну из основных целей видели в том, чтобы добиться от Чехословакии разрыва советско-чехословацкого договора, или, как выражался Эйзенлор, «отхода Чехословакии от системы пактов». В сборнике МИД СССР опубликован также первоначальный набросок проекта тех требований, которые должны были быть предъявлены чехословацкому правительству главарём судето-немецких гитлеровцев Генлейном. Этот набросок был намечен на совещании у Риббентропа 29 марта 1938 года. В этом проекте нет речи не только об отторжении Судетской области от Чехословакии, но даже и об автономии для неё (док. № 8, прилож. I). Все эти требования появились лишь позже, по мере того как гитлеровцы убеждались, что Англия, а за нею и Франция предают Чехословакию и стремятся изолировать Советский Союз, готовый придти к ней на помощь.

Как известно из мемуаров бывшего французского министра иностранных дел Ж. Боннэ, решение отдать Гитлеру Чехословакию было принято в конце апреля 1938 года на лондонском совещании представителей английского и французского правительств. На этом совещании Чемберлен вынес смертный приговор Чехословацкой республике. В своей речи, текст которой был опубликован Боннэ в приложении к его мемуарам [1], Чемберлен указал, что, по его мнению, Англия и Франция не могут защитить Чехословакию и что Англия не возьмёт на себя обязательства помешать Германии уничтожить Чехословацкую республику. Русский перевод этого выступления Чемберлена помещён в первом томе «Документов и материалов кануна второй мировой войны», дополняя германские документы, которые составляют основу этого издания, но взятые в отдельности не могут дать полной и объективной картины событий.

Французское правительство в лице премьер-министра Блюма, а затем Даладье и министров иностранных дел Дельбоса и Боннэ шло на буксире за Чемберленом. 4 марта 1938 года чехословацкий посланник в Париже Осуский доносил министру иностранных дел Крофта о том, что уже тогда с французской стороны были сделаны попытки освободиться от чехословацко-французского договора о взаимной помощи, истолковав его как часть локарнской системы, которая, как известно, рухнула в 1936 году в связи с отказом Гитлера от Рейнского пакта. Осуский легко разбил французскую аргументацию ссылкой на то, что договор с Чехословакией Франция заключила за год до Локарнской конференции. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Беранже развивал Осускому и ещё одну диковинную теорию: «Франция вообще не может придти на помощь Чехословакии ввиду наличия линии Мажино и, чтобы иметь возможность оказать помощь, Франция должна иметь возможность пройти через Италию» (док. № 4). Выходило, будто дорогостоящая линия Мажино не помогает, а, наоборот, мешает Франции вести войну!

Серьёзнее, чем эти, поистине шутовские аргументы, было другое замечание Беранже. Он заявил Осускому, что «Франция без Англии ничего не могла бы сделать в Центральной Европе». Тут мы подходим к важнейшей стороне внешней политики французских кабинетов как Л. Блюма, так и Даладье, который сменил Блюма в апреле 1938 года. Эта ужасающая зависимость французской политики от Лондона объясняется тем, что ни Блюм, ни Даладье, ни Дельбос, ни Боннэ не желали сотрудничества с Советским Союзом и при таких условиях были, конечно, обречены плестись в хвосте политики английского правительства.

Это подтверждается также и донесением польского посла в Париже Лукасевича о беседе с Боннэ от 27 мая 1938 года, тоже опубликованным в рецензируемом издании (док. № 11). В этом донесении Лукасевич сообщает, что Боннэ считал «условным» франко-советский пакт о взаимо-

[1] G. Bonnet «De Washington au Quai d'Orsay», Annexe I, p. 351.

помощи (1935 года), который мог бы служить главной основой для организации коллективного отпора гитлеровской Германии. «...Французское правительство, — продолжал Боннэ, — отнюдь не стремится опираться на него». «Министр Боннэ, — доносил Лукасевич, — лично не является приверженцем сотрудничества с коммунизмом». «Министр Боннэ был бы особенно доволен, если бы он мог, в результате выяснения вопроса о сотрудничестве с Польшей, заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи».

Совершенно понятно, что при таком отношении Франции к сотрудничеству с Советским Союзом и при наличии отказа Англии защищать Чехословакию участь последней была предрешена уже весной 1938 года.

Возникает вопрос: чем же в таком случае объяснить те события, которые разыгрались вокруг чехословацкого вопроса в мае 1938 года? Как известно, у границ Чехословакии были тогда сосредоточены германские войска, и Риббентроп 20 мая сделал чехословацкому послу в Берлине угрожающие представления. В ответ на это Гендерсон и французский посол Франсуа Понсэ порекомендовали Риббентропу проявить терпение и сдержанность. Этот эпизод английская пропаганда использовала для того, чтобы заявить, будто бы в мае 1938 года Англия и Франция действительно дали отпор Гитлеру с тем, чтобы спасти Чехословакию. Из всего вышесказанного ясно, что это неверно. Мы знаем, что ещё в апреле Чемберлен заявил французскому правительству, что он не собирается защищать Чехословакию и не считает это возможным.

Смысл англо-французского вмешательства в чехословацкие дела был совершенно иным. Он заключался попросту в том, чтобы помешать Германии получить Чехословакию даром, подобно тому, как она получила Австрию. За Австрию английскому правительству не удалось получить от Гитлера ровно никакой платы. Даже своего обещания дать ответ на проект соглашения по колониальному вопросу, предложенный ему Гендерсоном, Гитлер не выполнил. После захвата Австрии Гитлер обманул ожидания английского правительства в том смысле, что не обнаружил намерения продолжать и углублять переговоры, начатые Галифаксом и Гендерсоном, и приступил к нажиму на Чехословакию, не договорившись с Англией.

Теперь англичане желали во что бы то ни стало втереться в германо-чехословацкие отношения. «Угрожающая» позиция, занятая ими по отношению к Германии 21—22 мая 1938 года, и была для Чемберлена средством заставить Гитлера взять Чехословакию не непосредственно и не задаром, но взять её из рук Англии и притом за плату. Вначале могло показаться, что это англичанам удалось. Об этом, казалось, свидетельствовали поездки, предпринятые в Лондон Генлейном и адъютантом Гитлера капитаном Видеманом. Известны события лета 1938 года и миссия Ренсимена, направленная Чемберленом в Прагу «посредничать» между немцами и чехами. Известен и вывод, к которому пришёл лорд Ренсимен в результате своей «посреднической деятельности». Этот вывод гласил, что автономия Судетской области не удовлетворит немцев и что единственным решением может быть только отторжение Судетской области от Чехословакии и её присоединение к гитлеровской Германии. Доклад Ренсимена Чемберлену об итогах его миссии, опубликованный в своё время английским правительством, перепечатан в настоящем издании (док. № 26). Этот доклад составляет неотъемлемую часть той английской политики, которая привела к Мюнхену и к расчленению Чехословакии.

Из опубликованных МИД СССР документов мы узнаём и о том, что происходило в это же время, то есть летом 1938 года, между Германией и Англией. Из германских документов, опубликованных в первом томе «Документов и материалов кануна второй мировой войны», нам становится кое-что известным и на этот счёт. Добившись согласия Гер-

мании на своё участие в «разрешении» германо-чехословацкого конфликта, английское правительство очень скоро вернулось к тому самому языку, которым беседовали с Гитлером Галифакс и Гендерсон при своих встречах с «фюрером», уже описанных выше.

10 июля 1938 года германский посол в Лондоне фон Дирксен доносил министерству иностранных дел (док. № 12), что правительство Чемберлена попрежнему склонно договориться с Германией: «первым и важнейшим пунктом программы» Чемберлена—Галифакса «была и осталась политика соглашения с тоталитарными государствами». В своём донесении Дирксен перечисляет факты, которые доказывают это положение: молчание в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественное по отношению к Германии выступление Галифакса в палате лордов, выступление Галифакса в духе германской точки зрения в королевском институте международных отношений, речь Чемберлена в Кеттеринге и выступление Галифакса перед представителями прессы. «Из всех этих высказываний ответственных государственных деятелей Англии, — продолжает Дирксен, — которые были подкреплены и разъяснены в беседах со мной, ясно видно неизменное желание соглашения с Германией, правда, с усиливающейся тенденцией передать инициативу возобновления этих переговоров Германии».

22 августа 1938 года ближайший помощник Ренсимена Эштон-Гуэткин беседовал с Генлейном (док. № 16). Эта беседа, так же как и донесение Дирксена, обнаруживает неуклонные попытки британского правительства достигнуть сделки с Гитлером на основе выдачи ему Чехословакии. Эштон-Гуэткин, поговорив сначала о «разрешении» судетской проблемы, попросил Генлейна позондировать почву у «фюрера»: как тот смотрит на возможность личной встречи с представителями английского правительства, с тем чтобы при этом рассмотреть «не только чехословацкий вопрос». Генлейн поинтересовался, какие именно вопросы намерены ещё обсуждать англичане. Эштон-Гуэткин ответил, что, по его предположению, следовало бы обсудить возможность соглашения в области авиации, колониальный вопрос, соглашение по вопросам вооружения. Такой же зондаж производился в это время английским правительством через германское посольство в Лондоне.

Такие проявления английской дружбы к гитлеровцам в момент, когда они готовились проглотить Чехословакию, имели своей целью направить германскую агрессию дальше на Восток. В это же самое время, то есть в августе 1938 года, Геринг обсуждал с польским послом Липским план войны против СССР (док. № 15). Не подлежит сомнению, что Геринг при этом учитывал, что, развязывая войну с СССР, Германия может быть уверена за свой тыл на Западе и может рассчитывать на пособничество Англии. Войну против СССР Геринг мыслил себе в качестве следующего этапа германской агрессии. «Относительно русской проблемы,— доносил Липский о своей беседе с Герингом,— он в общих чертах сказал, что она, после решения чешского вопроса, станет актуальной. Он вернулся к своей мысли, что в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной, не предоставив помощи Польше. Он опроверг слухи, что якобы Германия хотела идти на Украину, подчёркивая, что заинтересованность рейха сконцентрирована прежде всего на том, чтобы положить конец большевистским действиям.

Тем не менее Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине.

В этом месте беседы я, — продолжает Липский, — информировал Геринга о переговорах вице-министра Шембека с Комненом [1], во время которых последний категорически высказался против пропуска советских

[1] Румынский посланник в Берлине.

сил через территорию Румынии. Геринг с удовлетворением принял это заявление». «По мнению Геринга, — писал далее Липский, — западные державы начинают отдавать себе отчёт в сложившейся невыносимой обстановке. Англия осуществляет посредничество (в чехословацком вопросе.— *В. М.*), как он выразился, скорее для проформы. Основные расчёты чехов опираются на отношения Праги с Советами».

Беседа Геринга с Липским доказывает, что английская политика «канализации» германской агрессии на Восток начала приносить англичанам некоторые плоды.

В сентябре германский нажим на Чехословакию усилился. Опираясь на выводы миссии Ренсимена и на другие авансы со стороны Англии, немцы стали подготовлять осуществление плана захвата Чехословакии, разработанного ещё в апреле 1938 года.

Что сделали в такой обстановке английское и французское правительства? Конечно, они и не думали о том, чтобы помочь чехам. Дело шло о том, на каких условиях продать их Гитлеру. 15 сентября Чемберлен прилетел к Гитлеру в Берхтесгаден. Во время этого свидания он дал Гитлеру согласие на расчленение Чехословакии. Это было первое паломничество британского премьера к «фюреру».

По возвращении из Берхтесгадена Чемберлен имел встречу с Даладье, и после этого, 19 сентября 1938 года, британское и французское правительства категорически потребовали от чехословацкого правительства уступки Судетской области Германии. В рецензируемом издании воспроизведены эта нота и ряд других важнейших документов, относящихся к сентябрьскому кризису 1938 года.

Советское правительство 20 сентября 1938 года заявило о своей готовности безоговорочно выполнить все свои договорные обязательства перед Чехословакией. Чехословацкое правительство, первоначально отклонив требования Англии и Франции, в дальнейшем капитулировало под их грубым нажимом.

Чемберлен вторично полетел к Гитлеру — на этот раз в Годесберг. Спорить, собственно говоря, было уже не о чем. Но Чемберлену была необходима видимость борьбы «за мир». Ради неё и был затеян торг о процедуре и сроках передачи отторгаемых областей. В результате годесбергского свидания Чемберлен направил в Прагу ультиматум с изложением германских требований в отношении порядка передачи отторгаемых от Чехословакии областей. Для публики дело было представлено так, будто бы Чемберлен имеет какие-то разногласия с Гитлером и взялся только просто передать чехам его требования. Из опубликованных документов мы узнаём, что он о б е щ а л Гитлеру добиться принятия этих требований в Праге. Таково было второе паломничество Чемберлена к «фюреру».

И Чемберлен действительно настоял, чтобы чехословацкое правительство приняло ультиматум Гитлера.

Несравненно важнее, нежели шумиха, поднятая для публики, чтобы доставить Чемберлену ореол «спасителя мира», была та беседа, которую Гитлер вёл непосредственно после свидания в Годесберге с Горацием Вильсоном. Этот ближайший советник Чемберлена, сопровождавший его ранее при поездках к Гитлеру, прилетел к Гитлеру с письмом от Чемберлена. Беседа состоялась 27 сентября, причём Вильсон определённо заявил, что он «не знает», выполнит ли Франция свои договорные обязательства по отношению к Чехословакии в случае, если Чехословакия отклонит германские требования и Германия нападёт на Чехословакию. Нельзя было яснее подтвердить, что Чехословакия уже отдана в руки фашистской Германии. В ходе беседы Вильсон снова заговорил относительно возможности широкого англо-германского соглашения.

* * *

В первом томе «Документов и материалов кануна второй мировой войны» помещены две записи, описывающие ход мюнхенской конференции. Она, как известно, состоялась 29 сентября 1938 года с участием Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье. Обе эти записи сделаны гитлеровскими чиновниками. Они подтверждают, что конференция лишь проштамповала результаты предварительной сделки Чемберлена и Гитлера. Тем не менее эти записи весьма любопытны в силу ряда красочных деталей, рисующих отвратительное подхалимство, которое Чемберлен и Даладье, стараясь перещеголять друг друга, проявляли перед Гитлером в Мюнхене. Конференция открылась крайне наглым выступлением Гитлера. Он напомнил о своей речи в Спортпаласе, в которой «заявил,— говорится в записи,— что 1 октября он во всяком случае вступит (в пределы Чехословакии). На это ему тогда ответили, что эта акция будет носить насильственный характер. Таким образом, задача заключается в том, чтобы лишить эту акцию подобного характера».

Чтобы хоть немного спасти своё лицо, Чемберлен поставил вопрос о вызове на конференцию представителей чехословацкого правительства. Но Гитлер возражал, и Чемберлен поторопился «уточнить» своё предложение в том смысле, что представители Праги находились бы в случае их прибытия в Мюнхен только «в соседней комнате», но не в зале заседания. Гитлер возражал и против этого. Тогда Даладье поспешил подобострастно заявить, что «французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства. Чешское правительство дало своё слово и должно его сдержать. Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию...» Но верх подхалимства Даладье проявил тогда, когда в конце дневного заседания заявил буквально следующее: «Он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал своё согласие на передачу немецких областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор. В том случае, если привлечение к работам совещания представителя Праги наталкивается на трудности, он готов отказаться от этого, так как всё дело в том, чтобы вопрос был решён быстро». Этот человек пал так низко, что с гордостью заявил о своей готовности нарушить формальные и моральные обязательства Франции, лишь бы угодить Гитлеру.

Заседание возобновилось после перерыва. Даладье добивался некоторых незначительных исправлений намеченных границ в пользу Чехословакии, которую он вместе с Чемберленом предал и продал Гитлеру. Речь шла о мелочах, и Гитлер согласился. Даладье счёл уместным выразить Гитлеру за это «горячую благодарность». «Возвратившись во Францию, он скажет, что фюрер сделал этот жест из личного внимания к нему» (то есть к Даладье).

Можно было бы привести ещё несколько примеров того, как оба мюнхенца — английский и французский — пресмыкались перед главарём германского фашизма.

Окончательный текст договора был готов к 11 часам вечера того же дня, 29 сентября; к 12 часам договор был подписан на четырёх языках. Ещё днём в Мюнхен прибыли представители чехословацкого правительства. На аэродроме им «был оказан приём, предназначающийся для лиц, подозрительных с точки зрения полиции». В полицейском автомобиле в сопровождении сотрудников гестапо их отвезли в отель.

На конференцию чехов не пустили. Только вечером, когда текст договора был уже выработан, членов чехословацкой делегации вызвали к Горацию Вильсону, который изложил им содержание достигнутой за их спиной сделки по расчленению Чехословакии. На все возражения

чешских представителей Вильсон сухо ответил, что ничего не может добавить к своему заявлению. Ночью после подписания договора чехов повели в зал конференции, где собрались члены английской и французской делегаций. «Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вводном слове упомянул о только что заключённом соглашении и дал г-ну Мастны для прочтения текст соглашения». Чемберлен при этом непрерывно зевал и в отличие от французов не обнаруживал никаких признаков смущения.

Когда представители чехословацкого правительства спросили, требуется ли от них ответ, то один из членов французской делегации им ответил, что четверо государственных мужей уже договорились, что никакого ответа от Чехословакии они не ждут. Они считают свой план принятым, и от чехов требуется только его исполнение. «Нам было объяснено довольно грубым образом и притом — французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления.

Г-н Чемберлен не скрывал своей усталости. После того как текст был прочтён, нам была передана другая, слегка исправленная карта. Мы простились и ушли».

Так закончилась эта отвратительная сцена. Чехословацкий народ не забудет этого предательства, учинённого правительствами Великобритании и Франции. На другой день в Мюнхене была подписана англо-германская декларация, в которой говорилось:

«Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и германо-английское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда более не вести войну друг против друга. Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям...»

В этой декларации британское правительство, выражая намерение никогда не вести войны против Германии, тем самым ясно заявляло о своём отказе от участия в каком бы то ни было отпоре германской агрессии. Декларация поколебала принципы коллективной безопасности, чтобы не сказать: похоронила эти принципы. В наши дни эта декларация уже основательно забыта широкими кругами. Но её полезно вспомнить для того, чтобы понять, кто именно сорвал коллективный отпор гитлеровской агрессии накануне возникновения войны в Европе. Франко-германская декларация, подписанная 6 декабря 1938 года, показывает, впрочем, что в ряду виновников этого срыва Франция может занять своё место рядом с Англией.

Как известно, в Мюнхене Англия и Франция обещали предоставить международную гарантию новых границ Чехословакии. После урегулирования польских и венгерских притязаний к Чехословакии Италия и Германия обещали присоединиться к этой гарантии. И вот не успели обсохнуть чернила, которыми были сделаны английские подписи под мюнхенскими соглашениями, как английский посланник в Праге уже пытался по поручению своего правительства как-нибудь увильнуть от предоставления гарантии, только что обещанной англичанами. В ходе беседы «английский посланник несколько раз настойчиво подчёркивал возможность того, что Чехословакия удовлетворится гарантией одной только Германии, являющейся, по его мнению, наиважнейшей, ибо в Праге, вероятно, хорошо известно, как неохотно даёт Англия гарантии в тех случаях, когда британские интересы не затрагиваются непосредственно, и ещё менее охотно в тех случаях, когда она, как это имеет место в данном случае, имеет основание питать сомнение в том, что её гарантия чем-нибудь будет нам полезна» (док. № 43).

Первый том «Документов и материалов кануна второй мировой войны» завершается письмом польского посла в Лондоне Рачинского от 16 декабря 1938 года. В этом письме Рачинский даёт интересный анализ мюнхенского соглашения. Рачинский пишет, что Чемберлен, «.. (если употребить не слишком точное сравнение из области спорта) защитил английские ворота и перенёс таким образом игру на восток Европы». «Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него, в той или иной форме, несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, здесь повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и её заморских составных частей.

Отношение Чемберлена к Советам,— писал далее Рачинский,— продолжает оставаться холодным. Истиной является то, что он чересчур последователен и совершенно открыто избегает всего, что могло бы послужить для его политических партнёров поводом для уклонения от сотрудничества. Но истиной является и то, что премьер официально избегает выступать против устремлений Германии на восток».

В устремлениях Германии на восток и был тот выигрыш, которого ожидало для себя британское правительство от мюнхенской сделки и от англо-германской декларации от 30 сентября. Документы полностью подтверждают гениальный анализ мюнхенского сговора, который был дан И. В. Сталиным на XVIII съезде ВКП(б): «Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом...»

С выходом в свет настоящей публикации стали достоянием гласности некоторые из тех документов, которые хотел скрыть государственный департамент США. Эти документы показывают, как мюнхенцы предали два европейских государства на протяжении всего одного лишь года и как они старались повернуть германскую агрессию на восток, против Советского Союза. Эти документы убедительнейшим образом подтверждают «Историческую справку» Совинформбюро, давая новые документальные свидетельства содержащихся в ней выводов.

За первым томом настоящей публикации должны последовать другие. Можно не сомневаться, что они ознакомят читателя с не менее интересными данными, относящимися к самому критическому периоду подготовки войны в Европе.

В. МИХАЙЛОВ

Философские и психологические взгляды И. М. Сеченова

Имя И. М. Сеченова, одного из величайших русских учёных XIX века, «отца русской физиологии», занимает почётное место и в истории домарксовской материалистической философии и в истории психологии. Вполне понятен поэтому большой интерес к философским и психологическим взглядам Сеченова, наблюдаемый в нашей стране за последние годы.

В 1947 году Госполитиздатом издан сборник «Избранные философские и психологические произведения» Сеченова[1]. Одно из достоинств этого сборника — полнота материала: в него вошли, в сущности, все (а не только избранные) философские и психологические произведения Сеченова.

Из 12 произведений, включённых в сборник, особенно важное значение имеют следующие: 1) «Рефлексы головного мозга» — сочинение, сыгравшее выдающуюся роль в истории русского материализма и явившееся тем зерном, из которого выросло гениальное учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности; 2) статьи против К. Д. Кавелина, направленные в защиту материалистической разработки психологии. завершающиеся работой «Кому и как разрабатывать психологию?» и являющиеся наиболее полным изложением психологических взглядов Сеченова; 3) статьи «Впечатления и действительность» и «Предметная мысль и действительность», задачей которых является обоснование материалистической теории познания данными физиологии и психологии; 4) небольшая, но очень содержательная статья «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» и большой трактат «Элементы мысли — основные работы Сеченова по вопросам психологии мышления и логики.

Следует отметить также, что некоторые из работ, вошедших в этот сборник, ни разу не перепечатывались со времени выхода Собрания сочинений Сеченова в 1908 году. Одна из работ, вошедших в сборник,— «Замечания на книгу г. Кавелина: «Задачи психологии» — ни разу не перепечатывалась с 1873 года. Работа эта принадлежит к числу важнейших произведений Сеченова.

Рецензируемый сборник открывается вступительной статьёй В. М. Каганова, представляющей краткое изложение основных положений его книги «Мировоззрение И. М. Сеченова», вышедшей в текущем году[2].

Философские взгляды Сеченова освещались у нас за последние годы в ряде работ, посвящённых истории русской философии. Психологическим взглядам Сеченова также уделялось внимание в ряде работ советских авторов. Однако до сих пор в нашей литературе не было спе-

---

[1] И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения. Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями В. М. Каганова. Госполитиздат. 1947. 646 стр.

[2] В. М. Каганов «Мировоззрение И. М. Сеченова». Госполитиздат. 1948. 288 стр.

циальной работы, посвящённой философским и психологическим взглядам Сеченова. Книга В. М. Каганова является первой попыткой систематически рассмотреть всю совокупность философских и психологических воззрений Сеченова.

Она состоит из пяти глав. Глава I, «Революционный демократ и новатор науки», даёт очерк жизни Сеченова, его научной, педагогической и общественной деятельности. В главе II, «Отец русской физиологии», дана краткая характеристика Сеченова как гениального физиолога, создателя русской физиологической школы. Основными в книге являются три последние главы: глава III посвящена психологическим взглядам Сеченова, глава IV — его исследованиям в области психологии мышления и логики, глава V — его философским взглядам.

Книга В. М. Каганова, имея существенные достоинства, вместе с тем содержит ряд ошибочных утверждений, дающих неправильную оценку философского и психологического наследства Сеченова.

* * *

Сеченов был воинствующим материалистом. Он являл собой прямую противоположность тем «стыдливым материалистам», которых было так много среди естествоиспытателей XIX века. Сеченов не только фактически стоял на позициях материализма, но открыто выступал в защиту материалистического мировоззрения и вёл страстную и непримиримую борьбу с философским идеализмом и дуализмом. Напомним два важнейших в этом отношении факта из биографии Сеченова.

Первый факт — опубликование в 1863 году «Рефлексов головного мозга», сочинения, в котором развивались и научно обосновывались материалистические идеи Чернышевского. Выступив именно в тот момент с этим произведением, Сеченов непосредственно принял участие в той острой борьбе между материалистическим и идеалистическим лагерями, которая развернулась с 1860 года, после опубликования «Антропологического принципа в философии» Чернышевского. Вся передовая, демократическая общественность восприняла «Рефлексы головного мозга» не просто как научное исследование, а как своего рода манифест материалистического мировоззрения. Поэтому можно и должно говорить не только о специально научном, но и о философском и общественно-политическом значении этого замечательного сочинения.

Второй факт — полемика Сеченова с Кавелиным о задачах психологии и путях её научной разработки. Эта полемика, развернувшаяся в 1871 — 1874 годах на страницах не специально научного, а литературного «толстого» журнала «Вестник Европы», имела большой общественный резонанс. И победа в этом споре — в глазах широких кругов общества — осталась за Сеченовым. Это признавали даже и сами представители идеалистического лагеря [1]. Интересно отметить, что ярый противник материализма Г. И. Челпанов в своей широко распространявшейся в то время книге «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе», стремясь всячески дискредитировать материалистические работы Сеченова, вынужден был всё же признать, что «общественное мнение стало на сторону Сеченова».

Недаром царское правительство всегда смотрело на Сеченова как на человека, «очень опасного и вредного для молодёжи», и вплоть до самой его смерти чинило всевозможные препятствия его преподавательской и исследовательской работе.

Характеризуя материализм Сеченова, тов. Каганов правильно отме-

---

[1] Смотри, например, высказывания Н. Н. Страхова да и самого Кавелина, приведённые в книге Х. С. Коштоянца «Сеченов», стр. 97 и 102. 1945.

чает: «В отличие от Геккеля и подавляющего большинства других естествоиспытателей Сеченов был не стихийным, а философски сознательным материалистом» (стр. 175).

Сеченов выгодно выделяется среди большинства крупных представителей естествознания конца XIX и начала XX века тем, что он сознательно работал над выработкой своего материалистического мировоззрения и мужественно боролся в защиту этого мировоззрения. В этом тов. Каганов прав.

Но тов. Каганов идёт по ложному пути, когда он пытается доказать, что Сеченов во всех основных философских проблемах был последовательным материалистом.

Стремясь доказать последовательность и цельность философского материализма Сеченова, тов. Каганов затушёвывает принципиальные различия в решении ряда важнейших вопросов между сеченовским материализмом и диалектическим материализмом. В этом самый существенный недостаток книги тов. Каганова.

Остановимся коротко на взглядах Сеченова по трём философским проблемам: проблеме теории познания, психофизической проблеме и проблеме свободы воли. Если в вопросах теории познания тов. Каганов дал в основном правильный анализ и оценку философских взглядов Сеченова, то по отношению к двум другим названным проблемам он допустил серьёзные ошибки и извращения.

1) Теоретико-познавательная проблема.

В основном вопросе—теории познания—Сеченов стоял на материалистической позиции; многие его работы направлены против субъективного идеализма и агностицизма. Внешний мир существует независимо от нашего сознания; объективный мир есть первичное, наша мысль — вторичное. «Предметный мир, — писал Сеченов, — существовал и будет существовать, по отношению к каждому человеку, раньше его мысли; следовательно, первичным фактором в развитии последней всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями» (стр. 362).

Однако признания объективной реальности внешнего мира ещё не достаточно для последовательного материалиста. «Полуматериалист» и кантианец, Гельмгольц тоже признавал реальность внешнего мира, но, считая наши ощущения не изображениями, а лишь знаками, символами предметов объективной действительности, приходил к агностицизму и субъективизму. Какова же была позиция Сеченова в этом вопросе?

Плеханов в примечаниях к 1-му изданию русского перевода «Людвига Фейербаха» Энгельса, обосновывая свой ложный тезис о том, что ощущения являются лишь «иероглифами», привёл в подкрепление своей мысли две цитаты из Сеченова. Отсюда ведёт своё начало ошибочное мнение, что Сеченов в вопросах теории познания стоял на позициях «теории символов» Гельмгольца.

В. М. Каганов подробно остановился на этом вопросе и показал коренное различие между теорией познания Сеченова и «теорией символов» Гельмгольца. Он показал, что ошибки Сеченова в этом вопросе являются не столько ошибками по существу, сколько неточностью терминологии: «Непоследовательность Сеченова, его отступление от философской линии материализма в сторону агностицизма, выражалась в том, что он нередко употреблял термины «условный знак», «символ» в качестве синонимов терминов «образ», «копия», «изображение» и т. п.» (стр. 264).

В чём заключалась основная мысль Гельмгольца? В том, что между вещами внешнего мира и нашими ощущениями нет никакого сходства, никакой «аналогии». «...Я обозначил,— писал Гельмгольц,— ощущения как символы внешних явлений и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют» [1].

В чём заключалась основная теоретико-познавательная цель работы Сеченова «Впечатления и действительность»? В том, чтобы научно доказать, основываясь на известном в то время материале физиологии зрения и психологии восприятий, что наши зрительные восприятия, по крайней мере в отношении формы, величины, взаимного расположения и движения предметов, имеют прямое сходство с предметами объективного мира. Таким образом, эта работа Сеченова является по своему основному замыслу прямым опровержением «теории символов» Гельмгольца.

Той же цели служит и другая работа Сеченова, «Предметная мысль и действительность», где вопрос о сходстве наших восприятий с действительностью ставится уже не в отношении отдельных свойств вещей, а в отношении связей и отношений между вещами. И здесь Сеченов, опираясь на данные физиологии и психологии, приходит к выводу, противоположному точке зрения кантианцев и Гельмгольца: «Итак, всем элементам предметной мысли, насколько она касается чувствуемых нами предметных связей и отношений в пространстве и времени, соответствует действительность» (И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 362).

Очень важно отметить, что, борясь против признания наших восприятий лишь «условными знаками от предметов внешнего мира», Сеченов опирается, хотя и не систематически, на критерий практики. «Как же... помирить,— спрашивает он,— факт такой, повидимому, условной познаваемости внешнего мира с теми громадными успехами естествознания, благодаря которым человек покоряет всё больше и больше своей власти силы природы? Выходит так, что эта наука работает над условными чувственными знаками из недоступной действительности, а в итоге получается всё более и более стройная система знаний, и знаний действительных, потому что они беспрерывно оправдываются блистательными приложениями на практике, т. е. успехами техники» (стр. 329).

Обе упомянутые работы принадлежат к самой ценной части философского наследства Сеченова. Они важны не только своим значением в истории русской материалистической мысли. Многие аргументы Сеченова не утеряли интереса и в настоящее время. Изучение этих работ Сеченова можно рекомендовать всем философам и психологам.

2) Психофизическая проблема.

В. Каганов в основном правильно охарактеризовал позицию Сеченова в решении психофизической проблемы как «материалистическую концепцию психо-физического монизма» (стр. 111). Эта концепция развивается в «Рефлексах головного мозга» и в статьях, написанных в ходе полемики с Кавелиным, где дана уничтожающая критика теории дуализма тела и души.

Однако Сеченов не был до конца последователен в проведении точки зрения материалистического монизма. В одной из крупных своих работ, в «Элементах мысли», он под влиянием Герберта Спенсера в значительной мере отошёл от материалистической позиции.

---

[1] Цит. по Ленину. Соч. Т. 14, стр. 220. 4-е изд.

Сеченов принял всерьёз нелепую претензию позитивиста Спенсера — «примирить» коренное противоречие между материализмом и идеализмом. Он делает попытку, следуя за Спенсером, стать на позицию психофизического параллелизма, то есть принять самый абсурдный и самый вредный вариант дуалистического решения психофизической проблемы. Излагая гипотезу Спенсера, Сеченов пишет: «Для неё нет безусловной необходимости в том, чтобы субъективная сторона чувствования была прямым продуктом нервной организации; для неё важен только тот несомненный факт, что актам чувствования, как субъективным состояниям, идут всегда параллельно определённые нервные процессы» (стр. 419—420).

За несколько лет до этого Сеченов в замечательной работе «Кому и как разработывать психологию?» смеялся над теми «обособителями психического», то есть защитниками дуализма тела и души, которые говорили, что «между психическими и материальными процессами, связанными между собою во времени, не существует причинной связи, а только параллельность, соответствие» (стр. 240). А в «Элементах мысли» он уже постоянно говорит о «параллелях между психическими проявлениями и нервными деятельностями», о том, что «параллельно ощущению в нервной системе идёт процесс нервного возбуждения» и т. п. (стр. 423, 426 и др.). В. Каганов запутывает читателя, когда, приводя одну из таких «параллелистических» формулировок Сеченова, называет её «вполне материалистическим толкованием того, что именно представляет собой прирождённая нервно-психическая организация» (стр. 136).

Конечно, всё сказанное не означает, что «Элементы мысли» Сеченова являются простым сколком с учения Спенсера. Вовсе нет. В этом произведении Сеченов выдвинул целый ряд оригинальных и очень ценных идей. По сравнению со Спенсером он выступает здесь как гигант научной мысли. Трактат Сеченова будет внимательно изучаться нашими философами (в частности логиками) и психологами. Но именно поэтому особенно важно не замалчивать философских ошибок, допущенных здесь Сеченовым, а дать чёткий анализ их. Этого в книге тов. Каганова не сделано. Тов. Каганов ни словом не обмолвился о том, что в «Элементах мысли» имеются существенные отступления от материалистической позиции. Наоборот, он подчёркивает, что Сеченов, приводя гипотезу Спенсера, интерпретирует её так, что она «в основном приобретает чётко выраженный материалистический характер». Он находит в «Элементах мысли» лишь недостатки, «свойственные всем домарксовским материалистам, в особенности естествоиспытателям» (стр. 134—135). Такую оценку нельзя признать правильной.

3) Проблема свободы воли.

Эта проблема стоит в центре внимания Сеченова в «Рефлексах головного мозга». К ней он не раз возвращается и в последующих своих работах.

Не подлежит сомнению, что автор «Рефлексов головного мозга» выступал как воинствующий материалист, взрывая идеалистическое учение об абсолютной свободе человеческой воли, об абсолютном индетерминизме человеческих поступков. Но как раз в этом вопросе очень явно обнаруживается и ограниченность сеченовских философских взглядов. Вопрос о свободе воли Сеченов решал с позиций механистического материализма. В первой части «Рефлексов головного мозга» автор доказывает, что при так называемых «невольных», или непроизвольных, движениях головной мозг производит движения «роковым образом, то-есть как любая машина, точно так, как, например, в стенных часах стрелки двигаются роковым образом оттого, что гири вертят

часовые колёса» (И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 76). Вторую часть трактата, учение о произвольных движениях, Сеченов сам характеризует как «попытку подвести явления произвольных движений под машинообразную деятельность сравнительно простого механизма». Под такую «машинообразную деятельность» он хочет подвести, например, деятельность человека «с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчёт в каждом шаге,— одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности» (там же, стр. 111).

Мы видим здесь теорию абсолютного физиологического детерминизма в её заострённо-механистической форме. С единственно научной точки зрения — с точки зрения философии марксизма, — такое решение вопроса, конечно, неприемлемо.

При оценке учения Сеченова о воле никак нельзя забывать того положения марксизма, о котором напомнил тов. Жданов в своём выступлении на философской дискуссии: «...Одна и та же идея в различных конкретных исторических условиях может быть и реакционной и прогрессивной»[1]. В 60-х годах XIX века в острой борьбе с идеализмом, когда русские защитники материалистической философии ещё не владели оружием диалектического материализма, физиологический детерминизм Сеченова сыграл прогрессивную роль. В настоящее время, когда борьба за передовое мировоззрение возможна лишь с позиций марксизма-ленинизма, тезис о машинообразности человеческих поступков и об абсолютной их физиологической детерминированности является тезисом реакционным. Мы знаем, как широко использовался и используется этот тезис в американской психологии, где учение о человеке-автомате служит реакционным политическим целям.

Тов. Каганов не помогает читателю дать правильную историческую оценку учения Сеченова о свободе воли. Мало того, некоторые его утверждения могут серьёзно запутать читателя.

На протяжении ряда страниц своей книги тов. Каганов излагает правильное, марксистское учение о воле, но ведёт свой рассказ так, что читатель может законно подумать, что речь идёт об изложении взглядов Сеченова (см. стр. 219—229). В некоторых местах он делает правильные оговорки, указывающие на ограниченность точки зрения Сеченова: «Слабой же стороной теории Сеченова в этом важном вопросе является то, что она... совершенно не учитывает социальную природу человека и социальные условия его жизни и деятельности» (стр. 219).

Однако наряду с этим В. Каганов даёт и такие оценки: «Сеченов решает строго научно, в духе материалистического детерминизма и вопрос о свободе воли» (стр. 111), «Затрагивая этот вопрос (вопрос о свободе воли. — *Б. Т.*) почти во всех своих философских и психологических исследованиях, Сеченов неизменно решал его строго научно, в духе материалистического детерминизма» (стр. 218), «Сеченов не только выявил и доказал полную несостоятельность идеалистической теории свободы воли, но и дал блестящее научное, материалистическое решение этого вопроса» (стр. 242).

Как же можно называть «строго научным», да ещё «блестящим» решением вопроса о свободе воли такое решение, которое «совершенно не учитывает социальную природу человека»? И думал ли тов. Каганов о той вредной путанице, которая возникнет у читателя, если

[1] «Вопросы философии» № 1 за 1947 год, стр. 263.

этот читатель поверит, что теория роковой машинообразности человеческих поступков есть «блестящее научное, материалистическое решение» вопроса о воле человека!

* * *

В течение долгого времени господствовало мнение, что Сеченов отрицал психологию как самостоятельную науку и подменял её физиологией. За последние годы в результате работ ряда авторов это мнение можно считать опровергнутым.

В. Каганов прав, утверждая, что Сеченов «считал психологию вполне самостоятельной и очень важной наукой» (стр. 261). Этому нисколько не противоречит тот факт, что в статье «Кому и как разработывать психологию?» Сеченов доказывал, что физиология «одна держит в своих руках ключ к истинно научному анализу психических явлений» и что ей нужно «передать аналитическую разработку психических явлений» (стр. 243, 241).

Чтобы правильно понять Сеченова, надо иметь в виду, что он, отвечая на вопрос — кому разрабатывать психологию?, — должен был выбирать между физиологом и философом-идеалистом, а вовсе не между физиологом и психологом. Дело в том, что в те годы, когда писалась эта статья, «психологов», занимающихся психологией как своей единственной или хотя бы основной специальностью, ещё не существовало. Один из самых активных деятелей возникавшей в то время экспериментальной психологии, Рибо, писал: «Мы видим, как приближается время, когда психология будет требовать всех сил человека, когда люди будут только психологами, как бывают только физиками, только химиками, физиологами». Эти строчки были написаны через 6 лет после статьи Сеченова.

Сеченов хлопотал о том, чтобы разработку психологии передать с философских кафедр университетов и духовных академий в физиологические лаборатории, а вовсе не о том, чтобы отнять психологию у не существовавших ещё психологов. В то время тезис Сеченова о передаче психологии физиологам был тезисом прогрессивным и за ним вовсе не скрывалось отрицание самостоятельности психологии как науки.

Каковы важнейшие заслуги Сеченова в истории психологии?

Главная заслуга его заключается в том, что он заложил начало подлинно научной разработки вопроса о физиологических основах психики. Сеченов является отцом «физиологической психологии», или «психофизиологии».

Основываясь, с одной стороны, на работах Герцена, Чернышевского и Добролюбова, давших лучшую в домарксовской философии разработку психофизической проблемы, а с другой стороны, на всех достижениях физиологии XIX века (решающее значение имели собственные исследования Сеченова, приведшие к открытию центрального торможения), он выдвинул первые научно обоснованные, а не просто «придуманные» гипотезы о физиологических основах психических процессов. Это был, действительно, «гениальный взлёт сеченовской мысли» (И. П. Павлов).

Но как бы ни были велики заслуги Сеченова в истории учения о физиологических основах психики, нельзя согласиться с тов. Кагановым, когда он заявляет: «Сеченов даёт блестящее, непревзойдённое решение вопроса о том, какие физиологические эквиваленты соответствуют всем элементам мысли» (стр. 139). Ну как же так «непревзойдённое», когда сам тов. Каганов в другом месте книги констатирует, что «физиология центральной нервной системы и органов чувств,

физиология высшей нервной деятельности и зоопсихология, равно как и психология человека... со времени Сеченова несомненно ушли в своём развитии далеко вперёд» (стр. 180). Если «ушли далеко вперёд», то, очевидно, и «превзошли»! Слово «непревзойдённое» является одним из тех торжественно хвалебных, но, в сущности, безответственных слов, которых, к сожалению, много в книге В. М. Каганова.

Заслуга Сеченова связана с тем новым, что он внёс в понимание предмета психологии, выступив против «обособления психического», то есть против отрыва «сознательного элемента от своего начала, внешнего импульса, и конца — поступка» (И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 240). По мысли Сеченова, нельзя дать научное объяснение таким психическим фактам, как ощущения, представления, чувства, мысли и т. д., если рассматривать их как «самостоятельные явления», а не как «интегральные части процесса», начинающегося с воздействия внешнего импульса на органы чувств и заканчивающегося движением, действием, поступком. В этом прогрессивное значение попытки Сеченова положить понятие рефлекса в основу анализа психической жизни.

В. Каганов правильно передаёт основную идею Сеченова, когда пишет: «Изучение психического явления как процесса, в его движении и развитии, с точки зрения Сеченова, является важнейшим условием построения научной, материалистической психологии, её исходной аксиомой» (стр. 117).

Новое понимание предмета психологии было неразрывно связано с новым пониманием её метода. Категорически отвергает Сеченов возможность построить научную психологию умозрительным методом, исходящим из анализа души и её свойств.

В понимании Сеченовым предмета и метода психологии особенно существенно то, что он выдвинул точку зрения развития как основную для построения научной психологии. «Психология, — писал он, — должна изучать историю развития ощущений, представлений, мысли, чувства и пр.» (стр. 255). «Научная психология по всему своему содержанию не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельностей» (стр. 256). Программу своей работы Сеченов формулирует так: «Я стану следить исторически за психическим развитием человека (конечно, единичного) с его рождения на свет, постараюсь подметить главнейшие фазы его (т. е. развития) в том или другом периоде и вывести всякую последующую фазу из предыдущей» (стр. 257).

Мысль о том, что принцип развития должен быть основным, руководящим принципом психологии, высоко поднимает Сеченова над подавляющим большинством психологов XIX века. Но это не должно заслонять от нас того обстоятельства, что понимание Сеченовым развития было очень далеко от диалектико-материалистического его понимания. Сеченов понимал развитие метафизически, механистически. Именно поэтому-то Сеченов и мог, вступая в противоречие со своим материалистическим мировоззрением, принять «гипотезу Спенсера». Он видел в Спенсере одного из немногих учёных того времени, пытавшихся широко применить в психологии принцип развития, но не сумел оценить ложность спенсеровской вульгарно-эволюционистской концепции развития.

В качестве примера того, что Сеченов не видел в процессе развития качественных изменений, можно привести его взгляд на взаимоотношение между психикой животных и психикой человека. «Убеждение в качественном различии между психической организацией человека и животных нельзя считать научно доказанным», — пишет он в 1873 году, а через несколько лет, в полном согласии с этим положе-

нием, принимает спенсеровский тезис, утверждая, что «во всём ряду животных, включая сюда и человека, тип эволюции остаётся... в общих чертах один и тот же» (стр. 410).

Тов. Каганов неоднократно называет Сеченова «основоположником современной научной, материалистической психологии» (стр. 118, 260). Та же формулировка даётся им во Введении к сборнику произведений Сеченова на стр. 3 и 34. Правильно ли это? Безусловно, нет, поскольку в приведённой формулировке идёт речь о *современной* научной психологии. Сеченова можно назвать основоположником материалистической психофизиологии, или физиологической психологии. Труды Сеченова можно охарактеризовать как высшее достижение домарксистской материалистической психологии. Но нельзя, как это делает В. Каганов, стирать принципиальное различие между психологией Сеченова и «современной научной психологией», то есть марксистской психологией.

Теоретические основы для построения научной, материалистической психологии были впервые даны философией марксизма. Принципы подлинно научного объяснения психической жизни людей наука впервые получила в диалектическом и историческом материализме. Домарксистская материалистическая психология могла в лучшем случае дать научное объяснение физиологических основ психических процессов. Но она была бессильна понять и объяснить социальную природу психики человека, его сознания. Поэтому центральный вопрос современной марксистской психологии — вопрос о сознании и сознательной деятельности человека — оставался для неё неразрешённым.

Ошибка тов. Каганова в оценке психологических взглядов Сеченова связана с неправильным пониманием им предмета психологии, точнее сказать, с путанным и внутренне противоречивым пониманием им этого вопроса. С одной стороны, он определяет психологию как «*науку о закономерностях психической жизни человека*» (стр. 118), признавая, повидимому, социальную природу психики, сознания человека. Он пишет, например: «Теоретической основой и руководящим принципом советской, марксистской науки о мышлении стало гениальное положение Сталина: «Каков образ жизни людей,— таков образ их мыслей» (стр. 172). Но, с другой стороны, он настойчиво повторяет, что психология есть «отрасль научного естествознания» (стр. 105, 260. См. также Введение к сборнику произведений Сеченова, стр. 34). Но может ли психология, изучающая социальную по своей природе психическую жизнь человека, быть только «отраслью естествознания»? Марксистская психология — общественная наука и иной быть не может. «Отраслью естествознания» можно назвать лишь учение о физиологических основах психики, то есть психофизиологию или «физиологическую психологию».

Беда тов. Каганова заключается в том, что он в понимании предмета психологии, в понимании сущности человеческой психики сам стоит на ошибочной сеченовской позиции или, точнее, нередко соскальзывает на эту позицию, не замечая даже, какая огромная принципиальная разница между этой позицией и позицией марксизма. Этим можно объяснить неправильную оценку тов. Кагановым учения Сеченова о самосознании. Сеченов, пишет тов. Каганов, «дал вполне научное, материалистическое объяснение явлениям самосознания. С точки зрения диалектического материализма теории Сеченова о формировании и развитии самосознания недостаёт лишь признания решающей роли в этом процессе социального фактора, общественного бытия, общественно-исторической деятельности человека» (стр. 152).

Неужели не ясно тов. Каганову, что, с точки зрения диалектического материализма, теория формирования и развития самосознания.

не учитывающая «социального фактора», не может считаться научно материалистической?

Важным недостатком книги тов. Каганова является объективистское отношение к некоторым течениям современной буржуазной психологии. Дав правильную, принципиальную критику так называемой Вюрцбургской школы немецкой психологии, справедливо указав, что она «является лишь одним из типичных проявлений реакционной немецкой идеологии», тов. Каганов резко меняет тон, подходя к оценке работ французских и швейцарских психологов позитивистского толка и американского бихевиоризма (психология поведения). Он пишет: «...Позитивистское направление в психологии мышления, представленное исследованиями Леви-Брюля, Клапареда, Пиаже и других, тесно связано с естествознанием, основано на объективных естественно-научных методах исследования» (стр. 169). Совершенно непонятно, где нашёл тов. Каганов у Леви-Брюля и Пиаже «тесную связь с естествознанием» и «объективные методы исследования».

«И вне зависимости, — продолжает тов. Каганов, — от тех субъективных, зачастую идеалистических выводов, которые делают представители этого направления из добытых ими экспериментальных данных, всё же объективно эти данные дают картину развития мышления из исходных, более элементарных психических форм и характеризуют мышление как процесс отражения объективной действительности в сознании человека» (стр. 170). Да, Леви-Брюль даёт «картину развития» первобытного мышления, а Пиаже — «картину развития» мышления ребёнка. Но тов. Каганов забыл упомянуть о том, что эти картины совершенно ложные. Пора покончить с вредной легендой о том, что у этих авторов дан якобы «ценный фактический материал», а неправильна лишь философская интерпретация этого материала. Советской психологией накоплено уже достаточно данных, непреложно доказывающих ошибочность той «картины развития мышления», которую нарисовали поименованные авторы, и необъективность их методов исследования.

По поводу американского бихевиоризма тов. Каганов пишет следующее: «Несмотря на заметное влияние прагматизма, бихевиоризм в основе своей является материалистическим направлением в психологии с ярко выраженным механистическим характером этого материализма» (стр. 170). Это неправильная характеристика. Если бихевиоризм и рождался на свет как материалистическое течение, то он давно уже перестал быть таковым. История американского бихевиоризма — очень поучительный пример перерастания механистического материализма в идеализм. А главное: как можно в наши дни писать об американском бихевиоризме и ни слова не сказать о той реакционной идеологии, которой служит это течение, превращающее человека в автомата, в робота, лишённого сознания и воли?

* * *

Подведём итоги.

Перед советскими философами и психологами стоит задача подлинно научного, марксистского изучения философского и психологического наследства Сеченова. Надо дать историческую оценку работ Сеченова, показав ту прогрессивную роль, которую они сыграли в борьбе за материалистическое мировоззрение, но и выявив в то же время те отступления от прогрессивного для того времени мировоззрения, которые в отдельных случаях допускались Сеченовым. Надо выделить в философском, и, особенно, психологическом наследстве Сеченова те положения, которые сохраняют и в настоящее время своё научное значение, и отчётливо показать в то же время те моменты, кото-

рые в свете современных достижений марксистской научной мысли являются устарелыми, неправильными, ограниченными.

Изданный под редакцией В. М. Каганова сборник философских и психологических произведений Сеченова явится ценным пособием для решения этой задачи. Известную пользу могут принести в этом отношении и материалы книги тов. Каганова «Мировоззрение И. М. Сеченова». Автор провёл работу по изучению не только произведений Сеченова, но и неопубликованных материалов о нём. Однако В. Каганову не удалось до конца разрешить стоявшую перед ним задачу: дать всесторонний марксистский анализ и оценку философского и психологического наследства Сеченова. По ряду важных вопросов он допустил существенные ошибки и извращения.

Автору следовало бы основательно переработать некоторые разделы книги (в первую очередь анализ учения Сеченова о свободе воли), пересмотреть многие свои формулировки, стирающие принципиальное различие между сеченовским материализмом и диалектическим материализмом, дать политически заострённую, материалистическую критику тех буржуазных психологических школ, которых он касается в своей работе.

Б. ТЕПЛОВ

А—02536.
Изд. № 321.
Тираж 315 000 экз.

Подписано к печати 15/IV 1948 г. Зак. 953. В 1 печ. л. 62 000 зн. 5 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 руб. 25 коп.